

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ АФАНАСЬЕВА

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Александр Афанасьев

Волшебные сказки Афанасьева

«Алисторус»

2023

УДК 82-31
ББК 83.3

Афанасьев А. Н.

Волшебные сказки Афанасьева / А. Н. Афанасьев —
«Алисторус», 2023 — (Подарочные издания. Иллюстрированная
классика)

ISBN 978-5-907363-01-4

Великий собиратель русских народных сказок Александр Афанасьев оставил грандиозное наследие. В этом сборнике представлены все самые известные афанасьевские сказки, посвященные волшебным приключениям. В зачарованном царстве живут Иван Царевич и Елена Премудрая, Василиса Прекрасная и Кощей Бессмертный, Марья Моревна и баба Яга - любимые герои многих поколений. Этот мир - неисчерпаемый источник вдохновения для творчества. Это классика русского фольклора: страшноватая, романтическая, бесконечно разнообразная. Здесь добро всегда побеждает зло, а самые головокружительные сюжеты обязательно завершает пир горой. Подарочное издание проиллюстрировано шедеврами Виктора Васнецова, Ивана Билибина и других знаменитых мастеров книжной графики. В этой книге живет душа России, ее обереги, символы и вековая мудрость. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-31

ББК 83.3

ISBN 978-5-907363-01-4

© Афанасьев А. Н., 2023

© Алисторус, 2023

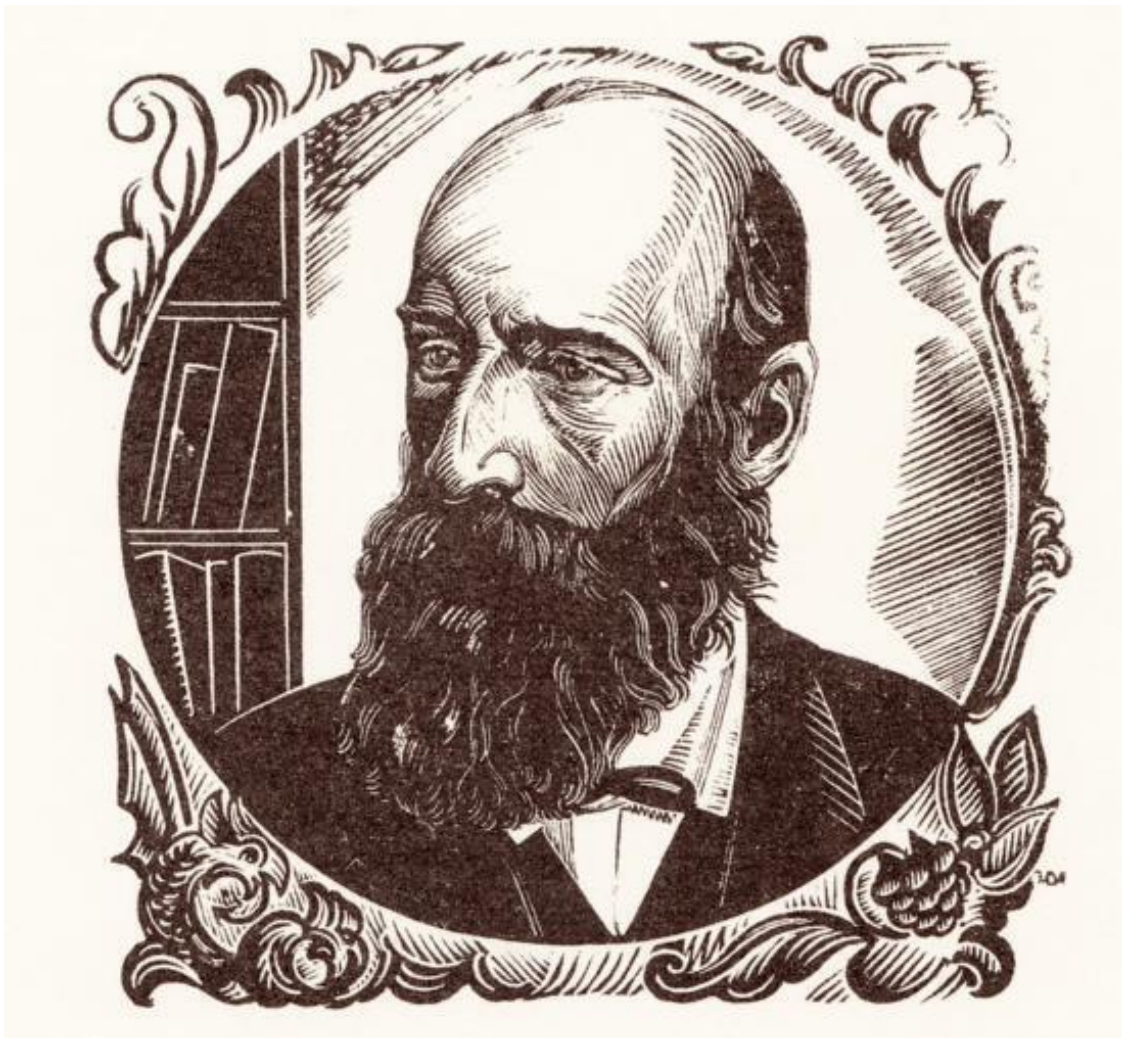
Содержание

Сказочник всяя Руси	7
Волшебные сказки Афанасьева	15
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка	16
Царевна – Серая утица	20
Заколдованная королева	23
Окаменелое царство	28
Никита Кожемяка	30
Иван-царевич, жар-птица и серый волк	33
Иван-царевич и Белый Полянин	41
Загадки царевны	45
Летучий корабль	46
Иван крестьянский сын и Мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст	50
Крошечка-Хаврошечка	54
Баба яга	56
Баба яга и Заморышек	60
Баба яга и Жихарь	64
Ивашко и ведьма	68
Терёшечка	72
Гуси-лебеди	74
Василиса Прекрасная	76
Морской царь и Василиса Премудрая	83
Василиса Премудрая и Иван купецкий сын	88
Иванко Медведко	92
Как солдат царевну спас	94
Беглый солдат и чёрт	98
Два Ивана, солдатских сына	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Александр Афанасьев

Волшебные сказки Афанасьева

Автор-составитель Арсений Замостьянов

Александр Афанасьев

В оформлении использованы иллюстрации Виктора Васнецова и Ивана Билибина

Художник Е.В. Максименкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

© Сост. А.А. Замостьянов, 2023

© ООО «Агентство Алгоритм», 2023

Сказочник всея Руси

Он был выдающимся ученым-фольклористом, замечательным сказочником и вообще – вольной птицей, каких мало во все времена. Нет и быть не может сомнений: его читали все. Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871) – это наша энциклопедия и неисчерпаемая кладовая. Русские народные сказки, собранные и пересказанные Афанасьевым, для многих из нас стали «вратами в литературу». Именно Александр Николаевич открыл нашенький материк фольклора. И это только часть огромного наследия учёного и писателя, просветителя и журналиста. Афанасьев необходим не только детям: без изучения его «Поэтических воззрений славян на природу» не обходятся историки и филологи.

Его отец – Николай Иванович Афанасьев, небогатый дворянин, скромный провинциальный стряпчий – рано разглядел в сыне способности к учёбе. Он не мог обеспечить ему аристократическое домашнее образование, но чуть ли не половину семейного бюджета отдавал всяческим учителям. Мальчишкой Александр Афанасьев уже свободно читал по-французски и по-немецки, знал «священную историю». Много лет спустя Александр Николаевич вспоминал с нежностью, хотя и не без иронии: «Пользуясь дедовской библиотекой, я рано, с самых нежных детских лет, начал читать, и как теперь помню, бывало, тайком от отца (мать моя умерла очень рано) уйдешь на мезонин, где помещались шкапы с книгами, и зимою в нетопленной комнате, дрожа от холода, с жадностью читаешь... Как прежде, так и теперь, готов был я долго просиживать за книгою и забывал самый голод, и нередко приходил отец и прогонял меня с мезонина, отнимая книги, читать которые он постоянно запрещал, в чем и прав был: книги были не по возрасту. Но запрещения эти действовали плохо; шкапы не запирались, и страсть неугомонно подталкивала идти в мезонин».

Александр Афанасьев

Воронежскую гимназию Афанасьев вспоминал всё больше в саркастическом духе, усмехаясь над гимназическим уставом с правом сечь розгами до 4 класса и с постоянным желанием начальства сечь до 5-го включительно. К счастью, любви к чтению гимназия из него не выбила.

А потом – московский университет. Вот тут Афанасьеву повезло: он застал лучшие годы дома на Моховой. На кафедрах блистали полные сил корифеи: Тимофей Грановский, Пётр Кудрявцев, Сергей Соловьев... Любимцем Афанасьева стал Константин Дмитриевич Кавелин,

увидевший в воронежском гимназисте будущего историка права. Они сблизились, Кавелин опекал Афанасьева, но к концу университетского курса на студента всё сильнее влиял молодой профессор Фёдор Буслаев, вернувшийся из Германии в ореоле ранней мудрости. В буслаевской «мифологической школе» было ощущение тайны, это завораживало. Афанасьев всё серьёзнее задумывался о фольклоре, о народном характере, о познании мира через миф, изучал немецкую и французскую филологию с прицелом на исследование русской сказки.

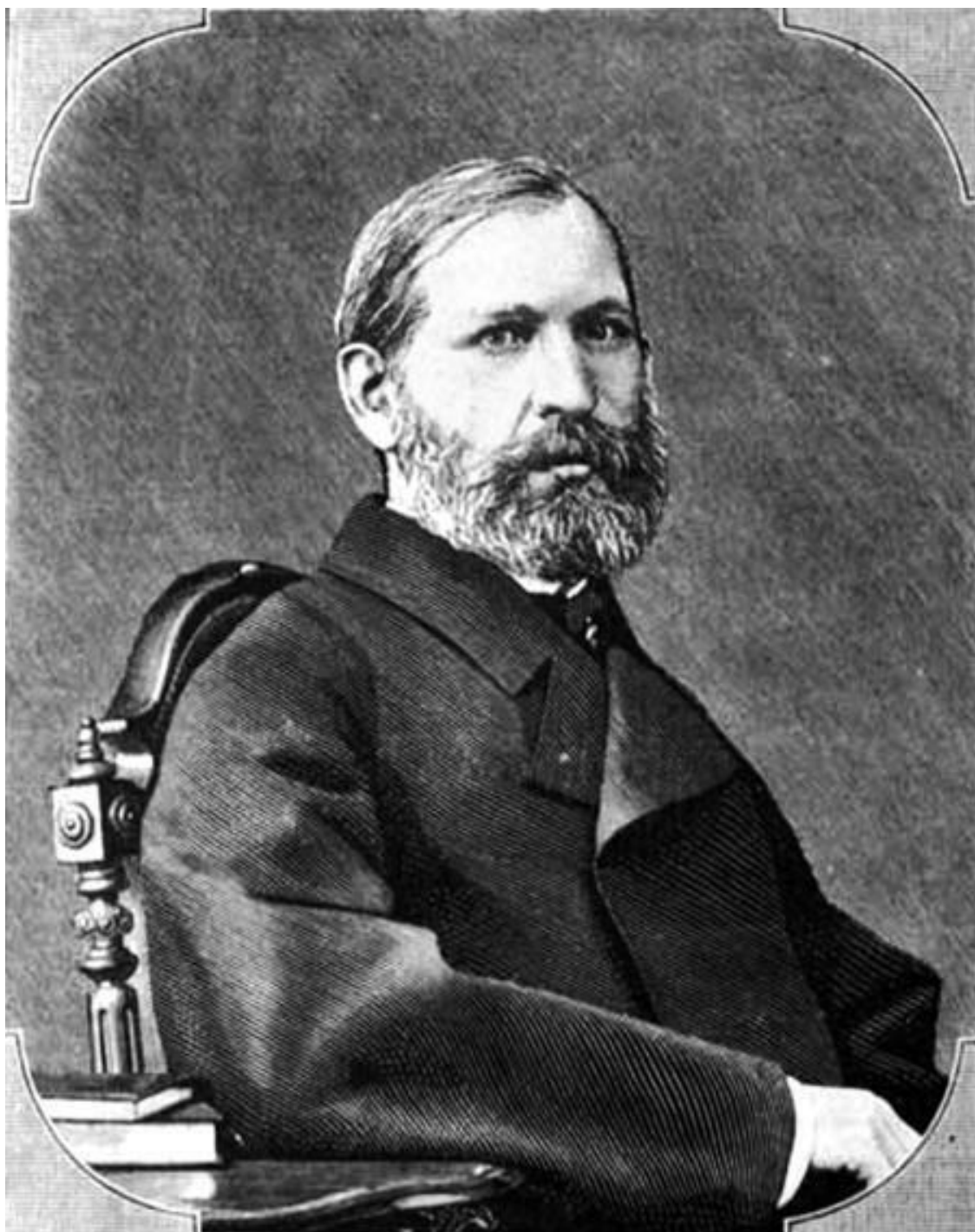
Начинающий правовед чувствовал в себе призвание историка. Первые публикации Афанасьева обнаружили кропотливого и увлеченного исследователя: «Государственное хозяйство при Петре Великом», «О вотчинах и поместьях». Причем опубликовал он эти капитальные статьи не где-нибудь, а в лучших литературных журналах того времени – в «Современнике» и «Отечественных записках». Он пришелся ко двору в литературных и библиофильских кругах.

Официальную идеологию молодой исследователь отторгал. Да и кто из думающих людей ее принимал? Единицы. Во многом именно поэтому провалилась его попытка стать преподавателем в альма-матер. Для него устроили смотрины – публичную лекцию «Краткий очерк общественной жизни русских в три последних столетия допетровского периода». Аж в присутствии министра народного просвещения! Судя по записям в дневнике Афанасьева, это были размышления о роли самодержавия в установлении и развитии крепостного права. Впоследствии он вспоминал: «Лекция эта вызвала несколько замечаний со стороны министра, о которых, однако, я не догадался сейчас же согласиться. Шевырев с братиею нашли в ней то, чего в ней не было и быть не могло. Весьма благодарен, что печатно отозвался он о моей лекции с равнодушным хладнокровием, а в непечатных отзывах, по слухам, куда недоставало этого хладнокровия».

Об университете пришлось забыть. В 1849 году, с помощью Кавелина, ему удалось поступить в Московский Главный архив министерства иностранных дел. Там Афанасьев прослужил 13 лет. Служба давала возможность сносно содержать семью, не забывая о науке. В то время Афанасьев уже вынашивал идею собрания сказок с научно-популярными комментариями. На это ушло немало времени и сил.

В 1851-м он не без робости объяснял в письме к редактору «Отечественных записок»: «Издание будет ученое, по образцу издания братьев Гриммов. Текст сказки будет сопровождаться нужными филологическими и мифологическими примечаниями, что еще больше даст цены этому материалу; кроме того, тождественные сказки будут сличены с немецкими сказками по изданию Гриммов, и аналогичные места разных сказок указаны. Войдет сюда также сличение сказок с народными песнями. Изданию я предпослал бы большое предисловие о значении сказок и метода их ученого издания. Одна сказка через три или через два номера, – смотря по возможности, – не займет в журнале много места. Притом предмет этот не чужд интереса». Так начиналась затея, которая прославит Афанасьева, хотя принесет ему и новые невзгоды. Архивист оказался незаурядным организатором: идея собирания русских сказок объединила многих исследователей.

Самую действенную помощь оказал Афанасьеву Владимир Иванович Даль, подаривший ему сотню сказок для отбора. Откликнулись и другие литераторы. Сказочная эпопея показала, что Александр Николаевич Афанасьев – не только дотошный учёный и собиратель фольклора, но и писатель талантливый, с чувством не только языка, но и меры. Не только юмора, но и волшебства. Таинственные, страшные и весёлые афанасьевские сказки забавляют и утешают. Что нам остается без прибауток и острот? Только уныние.

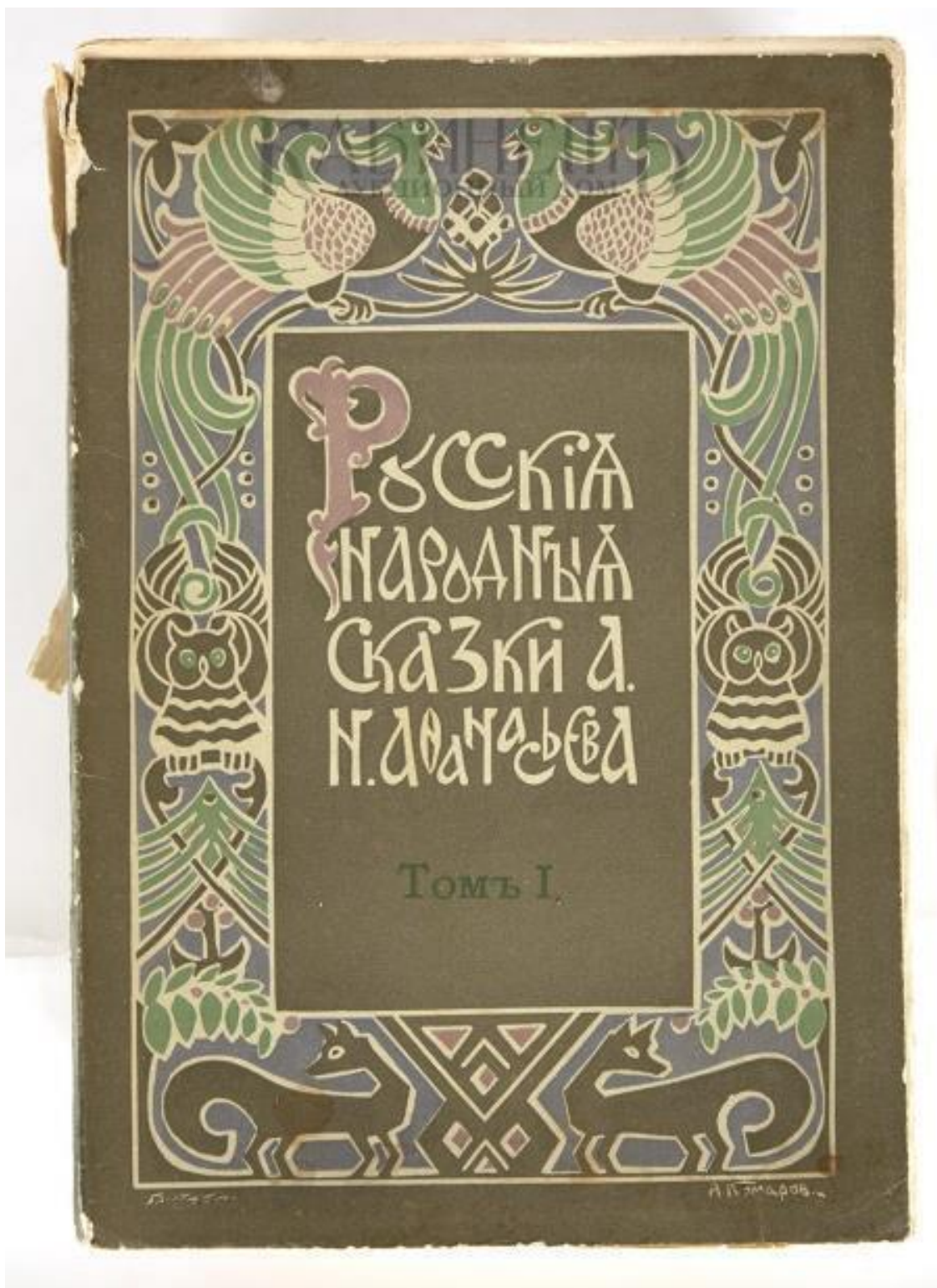
Фёдор Буслаев

Афанасьев почти не вмешивался в заповедное течение повествования, отточенное многими поколениями. Но подготовил для нас грандиозный корпус сказок – равного которому не было в мире. Отныне русский читатель с ребяческих лет знал, что в любой отчаянной и даже страшноватой ситуации есть пути к спасению – в том числе и чудесные. Лучшие сказочные герои – Иван, солдат, Василиса Прекрасная – навсегда остаются с нами. И Марья Моревна, о которой Афанасьев написал увлекательное исследование. Самые шаловливые побасёнки, конечно, не попали в сборник, адресованный детям. Но юмор – подчас ёрнический – у Афанасьева рассыпан повсюду. Чередовать страшное со смешным – излюбленный приём фольклора. Он нашел интонацию «Ай потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней дивы дивные, чуды чудные», – эти афанасьевские присказки настраивали на подходящий лад. «Грянул

гром, раздвоился потолок и влетел в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу посватать...» Всё это – как страшный, но притягательный сон. Целый мир, в котором на каждом шагу – фантастические приключения, опасные чудеса. Сказки очень разные, записанные в разных губерниях огромной России. И всё-таки это единая, спаянная книга.

Сказки объединяли страну. Вот уж, действительно, скрепы. В каждой местности любую историю рассказывали на особый лад, но общий стержень оставался. А в наше время сказки объединяют нас с дедами-прадедами, с давно ушедшими поколениями. И это не менее важный стержень.

Но судьба великого сказочника складывалась не безоблачно. Недавний друг и благодетель – Кавелин – обрушился на «мифологические» статьи Афанасьева с высокомерной критикой. Пришлось отбиваться, это добавляло в исследовательскую работу азарта. Афанасьев запальчиво отстаивал своё научное кредо: «Мифология – такая же наука, как наука о допотопных животных: она воссоздает целый организм по разрозненным остаткам старины». Но, право слово, значительно опаснее Кавелина оказались идейные противники «крамольных» сказок. Консерваторы не принимали сатирической сути сказок: им не хватало почтения к царскому званию, к священству... Ведь народ издавна смеялся, не обращая внимание на социальное положение той или иной персоны. К тому же, Афанасьева не устраивало имперское благолепие середины XIX века – с хижинами и дворцами. Он мечтал о всеобщем образовании, о реформах в социалистическом духе. Культ царской семьи казался ему надуманным, фальшивым. Да и в народе к хозяевам жизни относились не только коленопреклоненно. Бывало, что и насмешливо, бывало, что и неприязненно – и это видно по афанасьевским сказкам. Или Афанасьев намеренно выбирал дерзновенные сюжеты, вёл пропаганду? Нет, он был объективным исследователем. А сказка – вообще-то жанр вольнодумный. Сказители не оглядываются на правительственную конъюнктуру, а помпезный официоз того времени сильно отличался от реальности. Это мало кого устраивало из мыслящих людей. Многие притворялись по инерции или ради комфорта, а Афанасьев был открывателем по натуре, в известном смысле он лез на рожон. И в этом – еще один его урок, который, конечно, мы осознаём не в детстве. «В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, у мужика была только одна, да хорошая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться, да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!» Как могли относиться к такой сказке 150 лет назад? Как к потрясению основ, не иначе. Кто правдивее фольклор или наука? Вечный вопрос, неразрешимая дилемма. Писатель или учёный зависит от многих обстоятельств, он вынужден соотносить своё творчество с конъюнктурой – даже, если противостоит ей. Сказки слагают дилетанты, чистой воды добровольцы. Как говорили в старину на Руси – охотники. Сочиняют, как бог на душу положит, а исторические впечатления дедов и прадедов передают, конечно, не без искажений. Но – в точности так, как оно сохранилось в народной памяти.

Сказки Афанасьева

Поэтому без сказок трудно понять историю. Трудно осознать, к чему наши предки относились с уважением, о чём мечтали, а чего боялись. Самое удивительное, что во многом мы с ними совпадаем – в этом непрерывная сила фольклора. Афанасьеву удалось сдвинуть гору: он открыл русскую сказку и для филологической науки, и для широкой читательской аудитории на много поколений вперед.

Критика поживалась от сатирических сказок: «Чего только не изображается в них, не говоря уже о главной основной идее почти всех этих сказок, то есть торжества хитрости, направленной к достижению какой-либо своекорыстной цели, в некоторых проводятся олицетворенные возмутительные идеи, как, например, в сказке «Правда и кривда», в которой доказывается, что «правдою на свете мудренно жить, какая нынче правда! За правду в Сибирь угодишь»... В немилость попал афанасьевский сборник «Русских народных легенд», в котором содержались народные вольные интерпретации христианских сюжетов. Эротические и сатирические «Заветные русские сказки» при жизни собирателя вышли в свет только в Швейцарии. Сказки Афанасьева с боями прорвались через цензуру – и были опубликованы с академической полнотой, увы, только после смерти автора. Его сборники многократно переиздавались, к началу XX века они стали самым популярным чтением на Руси. А после революции Афанасьева признали классиком уже окончательно. Появилось немало новых переизданий – и массовых, детских, и академических, с научными комментариями. Их и сегодня переиздают регулярно.

В 1858-м Афанасьев стал редактором задуманного им журнала «Библиографические записки». Издательское бремя взял на себя книготорговец Николай Щепкин – сын выдающегося актера Малого театра, соратник Афанасьева. Им удалось впервые опубликовать по рукописям некоторые произведения Пушкина, Лермонтова Гоголя... Сотрудничал с афанасьевским журналом и видный историк Иван Забелин. Он мечтал опубликовать и ввести в научный оборот всю «потаенную» русскую литературу, ходившую в списках. Но пройти через «узкие райские врата цензуры» удавалось далеко не всегда. Самые крамольные рукописи издатели «Библиографических записок» переправляли в Лондон, Герцену, для публикации в «Полярной звезде». Афанасьевский журнал завоевал ученую аудиторию, но финансовой поддержки хватило только на двадцать номеров...

По-видимому, именно за связи с Герценом в 1862-м Афанасьева уволили из министерского архива. На несколько месяцев он лишился средств к существованию, в трудные дни приходилось распродавать книги. Он устроился секретарем в Городскую думу, затем – в мировом съезде, но эту работу воспринимал как мытарство. А ведь в научном мире его по праву считали корифеем фольклористики. Один из первых английских славистов Уильям Ролстон в 1870 году беседовал с Афанасьевым в его московской квартире. Британский ученый с теплотой вспоминал эту встречу и набросал любопытный портрет русского сказочника: «Я провел с ним очень короткое время в его совершенно русском доме, стоявшем посреди такого обширного двора (даже можно сказать пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься в деревне, а не в столичном городе. Комната его со всей ее обстановкой была именно в таком роде, в каком можно было надеяться встретить в доме такого истинного ученого – повсюду книги и везде следы и указания на литературный труд.

Да и самую личность своей он выражал идею высокого труженика, труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести на свет литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в мало читаемых хрониках и других неизвестных памятниках, или же кроющиеся в памяти народа, к которой ученые обращаются еще менее». Так он и жил – в трудах. Иначе не умел.

После сорока учёный растерял здоровье. Чахотку тогда лечить не умели... Да и работал он без малейшего снисхождения к собственным недугам. Всего лишь 45 лет прожил Афанасьев. Его целеустремленность и трудолюбие – как из фантастического романа. На одной из немногих сохранившихся фотографий (прижизненных живописных портретов Афанасьева вроде бы не существует) мы видим измождённого, пожилого человека, успевшего выполнить неподъемный земной долг. Современники восприняли его раннюю смерть как укор.

Иван Сергеевич Тургенев размышлял в откровенном письме к Афанасию Фету: «Недавно А. Н. Афанасьев умер буквально от голода, а его литературные заслуги будут помниться, когда

наши с Вами, любезный друг, давно уже покроются мраком забвения». Так бывает: слава не спасла учёного от нужды, от преждевременной смерти. Но и бессмертие сказочника вся Русь не оспаривается.

В этом сборнике мы собрали самые любимые в народе русские сказки – волшебные. Все они выходили в сборниках Афанасьева – как правило, вперемешку со сказками других жанров. Иван-царевич, Иван Дурак, Емеля, Елена Премудрая... Без этих героев невозможно представить себе нашу культуру. Эти сюжеты исследуют ученые, находят в них следы языческих верований и древние ключевые сюжеты, присущие всем народам. Но русский колорит – особый. Он близок и дорог нам.

Читая эти сказки, мы переносимся во времена, когда устное народное творчество было основой основ. Нашим предкам в их детские годы эти сказки заменяли и книги, и радио, и телевидение, и интернет... Постарайтесь прислушаться к языку русских сказок. Как прекрасны эти просторечия, эти отступления от классических канонов... Только впитав все это, можно вполне понять гибкость русской речи.

Но главное – что от этих сказок невозможно оторваться. Это захватывающие впечатления – почти без нравовчений. А без таких оборотов как «жили-были...» – мы никогда не поймём России. Это как музыка. Объяснения здесь излишни.

Арсений Замостьянов, заместитель главного редактора журнала «Историк»

Волшебные сказки Афанасьева

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка

Виктор Васнецов.
Алёнушка

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вот царь с царицею померли, остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасётся стадо коров.

– Я хочу пить, – говорит Иванушка.

– Не пей, братец, а то будешь телёночком, – говорит Алёнушка.

Он послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей.

– Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется.

– Не пей, братец, а то сделаешься жеребёночком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше, шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец.

– Ах, сестрица, мне страшно пить хочется.

– Не пей, братец, а то будешь баранчиком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят ручей, а возле стерегут свиней.

– Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется.

– Не пей, братец, а то будешь поросёночком.

Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят: пасётся у воды стадо коз.

– Ах, сестрица, я напьюся.

– Не пей, братец, а то будешь козлёночком.

Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козлёночком, прыгает перед Алёнушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!»

Алёнушка обвязала его шёлковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет... Козлёночек бегал-бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидели и тотчас доказывают царю:

– У нас, ваше царское величество, в саду козлёночек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица.

Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают её: откуда она и чьего роду-племени?

– Так и так, – говорит Алёнушка, – был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я – царевна, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козлёночком.

Люди доложили все это царю. Царь позвал Алёнушку, расспросил обо всём; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козлёночек с ними – гуляет себе по саду, а пьёт и ест вместе с царём и царицею.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Алёнушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе всё приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу:

– Али ты чем нездорова?

– Да, хвораю, – говорит царица.

На другой день царь опять поехал на охоту. Алёнушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит:

– Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду.

Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уж дожидается, схватила её, навязала ей на шею камень и бросила в море. Алёнушка пошла на дно; козлёночек прибежал и горько-горько заплакал. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на стол и сели обедать.

– А где же козлёночек? – спрашивает царь.

– Не надо его, – говорит колдунья, – я не велела пускать; от него так и несёт козлятиной!
На другой день, только царь уехал на охоту, колдунья козлёночка била-била, коло-
тила-колотила и грозит ему:

– Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать.

Приехал царь; колдунья так и пристаёт к нему:

– Прикажи да прикажи зарезать козлёночка; он мне надоел, опротивел совсем!

Царю жалко было козлёночка, да делать нечего – она так пристаёт, так упрашивает, что царь, наконец, согласился и позволил его зарезать. Видит козлёночек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю и просится:

– Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь пустил его. Вот козлёночек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козлёночек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится он у царя:

– Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь пустил его. Вот козлёночек прибежал к морю и жалобно закричал:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козлёночек заплакал и воротился домой. Царь и думает: что бы это значило, козлёночек всё бегаёт на море? Вот попросился козлёночек в третий раз:

– Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь отпустил его и сам пошёл за ним следом; приходит к морю и слышит – козлёночек вызывает сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горячие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжёл камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козлёночек опять зачал вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил её, сорвал с шеи камень и вытащил Алёнушку на берег, да и спрашивает: как это случилось? Она ему всё рассказала. Царь обрадовался, козлёночек тоже – так и прыгает, в саду всё зазеленело и зацвело. А колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костёр дров и сожгли её. После того царь с царицей и с козлёночком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили и ели.

Царевна – Серая утица

Жил царь с царицею, у них были дети: сын да дочь; сына звали Дмитрий-царевич, а дочь – Марья-царевна. Были приставлены к царевне и няньки и мамки, и ни одна не могла её укачать-убаюкать. Только брат и умел это сделать: бывало, придет к её кроватке и начнет припевать:

– Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки, родная! Вырастешь большая, отдам тебя замуж за Ивана-царевича.

Она закроет глазки и заснёт. Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу; прогостил там три месяца – много играли, много гуляли; стал уезжать и зовёт к себе Ивана-царевича.

– Хорошо, – говорит, – приеду!

Воротился домой, взял портрет своей сестры и повесил над своею постелью, и так хороша была царевна, что всё бы смотрел на её портрет: глаз оторвать невозможно!

Нежданно-негаданно приезжает Иван-царевич к Дмитрию-царевичу, входит в его комнату, а он спит себе крепким сном. Увидел Иван-царевич портрет Марьи-царевны – и в ту же минуту влюбился в неё, выхватил свой меч и занёс на её брата. Бог не попустил греха, словно что толкнуло Дмитрия-царевича – вмиг проснулся и спрашивает:

– Что ты делать хочешь?

– Хочу тебя убить!

– За что, Иван-царевич?

– Ведь это портрет твоей невесты?

– Нет, моей сестры Марьи-царевны.

– Ах, что же ты мне никогда об ней не сказывал! Я теперь жить без неё не могу.

– Ну что ж! Женись на сестре, будем братьями.

Иван-царевич бросился обнимать Дмитрия-царевича. Тут они и поладили, по рукам ударили.

Иван-царевич домой уехал – к свадьбе готовиться, а Дмитрий-царевич стал собираться с своею сестрицею в путь-дорогу, к жениху в гости. Снарядили два корабля: в одном брат плывёт, в другом сестра плывёт, а при ней нянька с дочкою. Вот как выехали корабли посеред моря синего, нянька и говорит Марье-царевне:

– Скинь с себя драгоценное платье да ложись на перину – тебе спокойней будет!

Царевна скинула платье, и только легла на перину – нянька ударила её слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой утицею, взвилась-полетела с корабля на сине море. А нянька нарядила свою дочь в царевнино платье, сидят обе да величаются. Приехали в землю Ивана-царевича; он тотчас выбежал навстречу и портрет Марьи-царевны с собой захватил; смотрит, а невеста далеко на тот портрет не похожа! Разгневался на Дмитрия-царевича, велел посадить его в темницу, в день давать ему по куску чёрствого хлеба да по стакану воды; кругом были часовые приставлены, и наказано им настрого никого не пускать к заключённику.

Серая утица

Приходит время к полуночи, стала сера утица с моря подыматься, полетела к родимому братцу – всё царство собой осияла: крыльями машет, а с них словно жар сыпется! Подлетела к темнице да прямо в окошечко, крылышки на гвоздик повесила, а сама к брату пошла:

– Родимый мой братец, Дмитрий-царевич! Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне, братец, тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье – нарядила в него свою дочку.

Братец с сестрицею поплакали, погоревали вместе; ранним утром улетела сера утица на сине море. Докладывают Ивану-царевичу:

– Так и так, прилетала к заключённику сера утица – всё царство собой осияла! Приказал он, чтоб сейчас дали ему знать, как скоро та утица опять прилетит.

Вот подходит время к полуночи; вдруг море заколыхалось, поднялась с него сера утица, полетела – всё царство собой осветила, крылышками машет, а с них словно жар сыпется. Прилетела к темнице, крылышки свои на окне оставила, а сама к брату пошла. Тотчас же разбудили Ивана-царевича; он побежал к темнице, смотрит: на окне лежат крылышки, взял и велел их на огне спалить, а сам приложил ухо да слушает – про что говорят братец с сестрицею.

– Родимый мой братец! – говорит Марья-царевна. – Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье – нарядила в него свою дочку... Ах, братец, что-то гарью пахнет!

– Нет, сестрица! Я ничего не слышу.

Иван-царевич отворил темницу, входит туда – Марья-царевна в ту ж минуту бросилась к окошечку, видит: крылышки её до половины обожжены; тут ухватил её Иван-царевич за белые руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иван-царевич не пугается, из рук её не

пускает... Вот, наконец, она веретеном обратилась; царевич переломил веретено надвое, один конец бросил вперёд, а другой назад и говорит:

– Стань передо мной красна девица, а за мной белая берёза!

Стала позади его белая берёза, а перед ним явилась Марья-царевна во всей своей красоте. Иван-царевич выпросил себе прощение у Дмитрия-царевича, и все трое во дворец пошли; а на другой день была свадьба: Иван-царевич женился на Марье-царевне; гости долго пиروвали, веселились, прохлаждались. А няньку с дочкою отослали в такое место, чтоб об них ни слуху ни духу не было!

Заколдованная королева

В некотором царстве, в некотором государстве жил именитый купец; у него был сын Иван. Нагрузил купец свои корабли, дом и лавки приказал жене да сыну и отправился в дальний путь. Едет он морями месяц, и два, и три, пристаёт в земли чужестранные, закупает товары заморские, а свои по хорошей цене продает. Тем временем над Иваном купеческим сыном стряслась беда немалая; озлобились на него все купцы и мешане: «Зачем-де он такой счастливый? Весь торг у нас отбил!» Собрались целым обществом, написали челобитную, что такой-то купеческий сын – вор и гуляка, не достоин быть в нашем звании, и присудили отдать его в солдаты. Забрили ему, сердешному, лоб и отправили в полк.

Служит Иван, горе мыкает – не один годочек; десять лет прошло, и вздумал он побывать на родине, записался в отпуск, взял билет на шесть месяцев и пошел путем-дорогою. Отец и мать ему обрадовались; прожил он, прогостил у них сколько надобно, а тут время и назад отправляться. Взял его купец, повел в подвалы глубокие, златом-серебром насыпанные, и говорит ему: «Ну, любезный сын, бери себе денег, сколько душе хочется». Иван купеческий сын наложил карманы, принял от отца, от матери их родительское, навеки нерушимое благословение, простился с сродниками и поехал в полк; отец-то ему важного коня купил! С той разлуки обуяла его, доброго молодца, грусть-тоска великая; видит он – на дороге кабак стоит, заехал с горя вина испить: выпил косушку – мало показалось, выпил другую – опьянел и повалился спать.

Отколь ни взялись ошары кабацкие, вынули у него деньги – все до единой копеечки. Иван купеческий сын проснулся, хват – нет ни копейки, потужил-потужил и пустился дальше. Пристигла его темная ночь в пустынных местах; ехал-ехал, трактир стоит, возле трактира столб, на столбу написано: кто ночевать заедет, с того – сто рублей. Что тут делать? Не с голоду ж помирать; стукнул в ворота – выбегает мальчик, ведет его в горницу, а коня на конюшню. Что только душа просит, всего подают Ивану купеческому сыну; наелся-напился он, сел и призадумался. «О чем, господин служивый, призадумался? – спрашивает хозяин. – Али расплатиться нечем?» – «Не то, хозяин! Я у тебя сыт, а мой верный конь так стоит». – «Нет, служивый! Хоть сам посмотри, у него и сена и овса вдоволь». – «Да не в том дело! Наши лошади уж так привычны: коли я сам буду возле коня, так он станет есть; а без меня и до корму не дотронется». Трактирщик побежал в конюшню, заглянул – так и есть: конь стоит, повеся голову, на овес и не смотрит. «Экая умная лошадь! Знает своего господина», – подумал трактирщик и велел для солдата изготовить постель в конюшне. Иван купеческий сын залег там спать, да ровно в полночь, как все в доме заснули, встал, оседлал коня и ускакал со двора долой.

На другой день к вечеру заехал он в трактир, где за одну ночь по двести рублей брали; удалось ему и тут обмануть. На третий день попадается ему трактир еще лучше прежних двух; на столбе написано: кто ночевать заедет, с того – триста рублей. «Ну, – думает, – была не была, попробую и здесь удали!» Заехал, важно наелся, напился, сел и призадумался. «О чем, служивый, призадумался? Али расплатиться нечем?» – спрашивает хозяин. «Нет, не угадал! Мне вот что думается: сам-то я сыт, а мой верный конь так стоит». – «Как можно! Я ему и сена наклал и овса насыпал – всего вдоволь». – «Да наши лошади уж так привычны: коли я сам возле коня буду, так он станет есть, а без меня и до корму не дотронется». – «Ну что ж! Ложись в конюшне».

А у того трактирщика была жена-волшебница, кинулась она посмотреть в свои книги и тотчас узнала, что у солдата нет за душой ни копейки; поставила у ворот работников и строго-накрепко приказала смотреть, чтобы как-нибудь солдат со двора не улизнул. В самую полночь встал Иван купеческий сын и собрался было тягу дать, смотрит – работники на часах стоят; лег и заснул; пробудился – уж заря занимается, оседлал поскорей коня, сел и едет со

двора. «Стой! – закричали сторожа. – Ты еще с хозяином не расплатился; подавай-ка деньги!» – «Какие деньги? Убирайтесь к черту!» – отвечал Иван и хотел было проскочить мимо; работники тотчас сгребли его и давай бить по заливке. Такой шум подняли, что весь дом сбежался. «Бей его, ребята, до смерти!» – «Будет с него! – говорит хозяин. – Оставьте его живого, пушай у нас три года проживет да триста рублей заработает».

Нечего делать, остался Иван купеческий сын жить в трактире; день живет, и два, и три живет. Говорит ему хозяин: «Что, господин служивый, чай умеешь из ружья стрелять?» – «Для чего не уметь? Нас тому в полку учат». – «Ну так ступай, настреляй дичи; в наших местах и всякий зверь и всякая птица водится». Иван купеческий сын взял ружье и пошел на охоту; долго бродил по лесу – ничего не попадает, уже к самому вечеру увидал зайца на опушке и только хотел прицелиться – заяц вскочил и давай бог ноги! Охотник за ним бросился и убежал на большой зеленый луг, на том лугу великолепный дворец стоит, из чистого мрамора выстроен, золотой крышею покрыт. Заяц на двор прыснул, и Иван туда ж; смотрит туда-сюда – нет зайца, его и след простыл! «Ну, хоть на дворец посмотрю!»

Пошел он в палаты; ходил-ходил – во всех покоях убранство такое знатное, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; а в одном покое стол накрыт, на столе разные закуски и вина приготовлены, богатые приборы поставлены. Иван купеческий сын взял – изо всякой бутылочки выпил по рюмочке, со всякой тарелочки съел по кусочку, напился-наелся, сидит себе и в ус не дует! Вдруг подкатилась к крыльцу коляска, и приехала королева – сама вся черная, и люди черные, и кони вороные.

Иван вспомнил военную выправку, вскочил и стал у дверей навтыжку; входит королева в комнату – он тотчас ей на караул сделал. «Здорово, служивый! – приветила королева. – Как сюда зашел – волею али неволею? От дела лытаешь али дела пытаешь? Садись-ка со мной рядом, потолкуем ладом». И просит его королева: «Можешь ли сослужить мне службу великую? Сослужишь – счастлив будешь! Говорят, русские солдаты ничего не страшатся; а у меня вот этим дворцом нечистые завладели...» – «Ваше высочество! Рад вам до последней капли крови служить». – «Ну так слушай: до двенадцати часов пей и гуляй, а как двенадцать пробьет – ложись на постель, что посреди большой палаты на ремнях висит, и что над тобой ни будет делаться, что тебе ни представится – не робей, лежи себе молча».

Сказала королева, попрощалась и уехала; а Иван купеческий сын начал пить-гулять, веселиться, и только полночь ударило – лег на показанное место. Вдруг зашумела буря, раздался треск и гром, того и смотри все стены попадаются, в тартарары провалятся; полны палаты чертей набежало, завопили-закричали, пляс подняли; а как увидели гостя, стали напущать на него разные страсти. Вот откуда ни возмись – прибегает фельдфебель: «Ох, Иван купеческий сын! Что ты задумал? Ведь тебя в бегах зачислили; ступай скорей, а то плохо будет».

За фельдфебелем бежит ротный командир, за ротным – батальонный, за батальонным – полковой: «Что ты, подлец, тут делаешь? Видно, сквозь строй захотел прогуляться! Эй, принести сюда свежих палок!» Принялись нечистые за работу и живо натаскали целые вороха палок, а Иван купеческий сын ни гу-гу, лежит да отмалчивается. «Ах, мерзавец! – говорит полковой командир. – Он палок-то совсем не боится; должно быть, за свою службу больше этого видал! Прислать ко мне взвод солдат с заряженными ружьями, пусть его, негодяя, расстреляют!» Словно из земли вырос – взвод солдат появился; раздалась команда, солдаты прицелились... вот-вот выпалют! Вдруг закричали петухи – и все мигом исчезло: нет ни солдат, ни командиров, ни палок.

На другой день приезжает во дворец королева – уже с головы по грудь белая стала, и люди ее и лошади – тоже. «Спасибо, служивый! – говорит королева. – Видел ты страсть, а увидишь того больше. Смотри, не сробей, прослужи еще две ночи, я тебя счастливым сделаю». Стали они вместе есть-пить, веселиться; после того королева уехала, а Иван купеческий сын лег на свое место. В полночь зашумела буря, раздался гром и треск – набежали нечистые,

завопили, заплясали... «Ах, братцы! Солдат-то опять здесь, – закричал хромой, одноглазый чертенок, – вишь, повадился! Что ты, али хочешь у нас палаты отбить? Сейчас пойду скажу дедушке». А дедушка сам отзывается, приказывает чертям притащить кузницу да накалить железные прутья: «Теми прутьями горячими проймайте его до самых костей, чтобы знал он да ведал, как в чужие палаты ходить!» Не успели черти кузницу справиться, как запели петухи – и все мигом пропало.

На третий день приезжает во дворец королева, смотрит Иван – дивуется: и сама королева, и люди ее, и лошади – все до колен стали белые. «Спасибо служивый, за верную службу; как тебя бог милует?» – «Пока жив и здоров, ваше высочество!» – «Ну, постарайся последнюю ночь; да вот на тебе тулуп, надень на себя, а не то нечистые тебя когтями доймадут... Теперь они страшно злы!» Сели они вместе за стол, ели-пили, веселились; после королева попрощалась и уехала, а Иван купеческий сын натянул на себя тулуп, оградился крестом и лег на свое прежнее место.

Ударило полночь – зашумела буря, от грома и треску весь дворец затрясся; набежало чертей видимо-невидимо, и хромых, и кривых, и всякого роду. Бросились к Ивану купеческому сыну: «Берите его, подлеца! Хватайте, тащите!» – и давай когтями цапать: тот хватит, другой хватит, а когти все в тулупе остаются. «Нет, братцы! Видно, его так не проймешь; возьмите-ка родного его отца с родной матерью да станем с них с живых кожи драть!» В ту ж минуту притащили точь-в-точь Ивановых родителей и принялись их когтями драть; они режут: «Иван, голубчик! Смилуйся, сойди с своего места; за тебя с нас с живых кожи дерут». Иван купеческий сын лежит – не ворохнет, знай отмалчивается. Тут петухи запели – и разом все сгнуло, словно ничего и не бывало.

Утром приезжает королева – лошади белые, люди белые, и сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучшей нельзя: видно, как из косточки в косточку мозжечок переливается. «Видел страсть, – говорит Ивану королева, – больше не будет! Спасибо тебе за службу; теперь пойдем поскорей отсюда». – «Нет, королева! – отвечает Иван купеческий сын. – Надо бы отдохнуть часок-другой». – «Что ты! Станешь отдыхать – совсем пропадешь». Вышли они из дворца и пустились в путь-дорогу. Отойдя немного, говорит королева: «Оглянись-ка, добрый молодец, что назади делается!» Иван оглянулся – дворца и следов не осталось, сквозь землю провалился, а на том месте пламя пышет. «Вот так бы и мы пропали, если б замешкались! – сказала королева и подает ему кошелек. – Возьми, это кошелек не простой, если понадобятся деньги, только тряхни – и тотчас червонцы посыплются, сколько душе угодно. Теперь ступай, расплатись с трактирщиком и приходи вот на такой-то остров к соборной церкви, я тебя ждать буду. Там отстоим мы обедню и обвенчаемся: ты будешь мой муж, а я твоя жена. Да смотри не опоздай; если сегодня не успеешь – завтра приходи, не придешь завтра – приходи на третий день, а упустишь три дня, век меня не увидишь».

Тут они распрощались; королева пошла направо, Иван купеческий сын – налево. Приходит он в трактир, потрянул перед хозяином своим кошельком, золото так и посыпалось: «Что, брат! Ты думал: у солдата денег нет, так его на три года закабалить можно; ан врешь! Отсчитывай, сколько надобно». Заплатил ему триста рублей, сел на коня и поехал, куда ему сказано. «Что за диво? Откуда у него деньги взялись?» – думает трактирщица, кинулась к своим волшебным книгам и увидела, что он избавил заклятую королеву и та подарила ему такой кошелек, что всегда деньги будут. Сейчас позвала мальчика, послала его в поле коров пасти и дала ему наговоренное яблоко: «Подойдет к тебе солдат, попросит напиться; ты ему скажи: воды нету, а вот тебе яблочко наливное!»

Мальчик погнал коров в поле; только успел пригнать, глядь – едет Иван купеческий сын: «Ах, братец, – говорит, – нет ли у тебя водицы напиться? Страшно испить хочется!» – «Нет, служивый, вода далеко отсюда; а есть у меня яблочко наливное, коли хочешь – скушай, авось освежишься!» Иван купеческий сын взял яблочко, скушал, и напал на него крепкий-крепкий

сон; трое суток без просыпу спал. Понапрасну ожидала королева своего жениха три дня сряду: «Видно, не судьба моя быть за ним замужем!» Вздохнула, села в коляску и поехала; видит – мальчик коров пасет: «Пастушок, пастушок! Не видал ли ты доброго мблюдца, русского солдата?» – «Да вот он под дубом третьи сутки спит».

Королева глянула – он самый и есть! Стала его толкать, будить; но сколько ни старалась – ничего не могла сделать, чтобы он проснулся. Взяла она листок бумаги, достала карандаш и написала такую записку: «Если ты не пойдешь на такой-то перевоз, то не бывать тебе в тридесятом государстве, не называться моим мужем!» Положила записку Ивану купеческому сыну в карман, поцеловала его сонного, заплакала горькими слезами и уехала далеко-далеко; была, да и нет ее!

Вечером поздно проснулся Иван и не знает, что ему делать. А мальчик стал ему рассказывать: «Приезжала-де сюда красная дэвица, да такая нарядная! Будила тебя, будила, да не добудилась, написала записку и положила в твой карман, а сама села в коляску, да и с глаз пропала». Иван купеческий сын богу помолился, на все стороны поклонился и поскакал на перевоз.

Долго ли, коротко ли, прискакал туда и кричит перевозчикам: «Эй, братцы! Перевезите меня как можно скорей на другую сторону; вот вам и плата вперед!» Вынул кошелек, начал встряхивать и насыпал им золота полную лодку. Перевозчики ажно ахнули. «Да тебе куда, служивый?» – «В тридесятое государство». – «Ну, брат, в тридесятое государство кривой дорогой три года ехать, а прямой – три часа; только прямо-то проезду нет!» – «Как же быть?» – «А мы тебе вот что скажем: прилетает сюда Гриб-птица – собой словно гора великая – и хватает здесь всякую падаль да на тот берег носит. Так ты разрежь у своей лошади брюхо, вычисти и вымой; мы тебя и зашьем в середку. Гриб-птица подхватит падаль, перенесет в тридесятое государство и бросит своим детенышам: тут ты поскорей вылезай из лошадиного брюха и ступай, куда тебе надобно».

Иван купеческий сын отрубил коню голову, разрезал брюхо, вычистил, вымыл и залез туда; перевозчики зашили лошадиное брюхо, а сами ушли – спрятались. Вдруг Гриб-птица летит, как гора валит, подхватила падаль, понесла в тридесятое государство и бросила своим детенышам, а сама полетела опять за добычею. Иван распорол лошадиное брюхо, вылез и пошел к королю на службу проситься. А в том тридесятом государстве Гриб-птица много пако-сти делала; каждый божий день принуждены были выставлять ей по единому человеку на съедение, чтоб только в конец царство не запустошила.

Вот король думал-думал, куда деть этого странника. И приказал выставить его злой птице на съедение. Взяли его королевские воины, привели в сад, поставили возле яблони и говорят: «Карауль, чтоб не пропало ни одно яблочко!» Стоит Иван купеческий сын, караулит; вдруг Гриб-птица летит, как гора валит. «Здравствуй, добрый молодец! Я не знала, что ты в лошадином брюхе был; а то б давно тебя съела». – «Бог знает, либо съела, либо нет!» Птица одну губу ведет по земли, а другую крышей расставила, хочет съесть доброго мблюдца. Иван купеческий сын махнул штыком и приткнул ей нижнюю губу плотно к сырой земле, после выхватил тесак и давай рубить Гриб-птицу – по чем попада. «Ах, добрый мблodeц, – сказала птица, – не руби меня, я тебя богатырем сделаю; возьми пузырек из-под моего левого крыла да выпей – сам узнаешь!»

Иван купеческий сын взял пузырек, выпил, почувал в себе великую силу и еще бойчей на нее напал: знай машет да рубит! «Ах, добрый мблodeц, не руби меня; я тебе и другой пузырек отдам, из-под правого крыла». Иван купеческий сын выпил и другой пузырек, почувал еще ббольшую силу, а рубить все не перестает. «Ах, добрый мблodeц, не руби меня; я тебя на счастье наведу: есть тут зеленые луга, в тех лугах растут три высокие дуба, под теми дубами – чугунные двери, за теми дверями – три богатырские коня; в некую пору они тебе пригодятся!» Иван

купеческий сын птицу слушать – слушает, а рубить – все-таки рубит; изрубил ее на мелкие части и сложил в большущую кучу.

Наутро король призывает к себе дежурного генерала: «Пооди, – говорит, – вели прибрать кости Ивана купеческого сына; хоть он из чужих земель, а все человеческим костям без погребения непригоже валяться». Дежурный генерал бросился в сад, смотрит – Иван жив, а Гриб-птица на мелкие части изрублена; доложил про то королю. Король сильно обрадовался, похвалил Ивана и дал ему своеручный открытый лист: позволяется-де ему по всему государству ходить, во всех кабаках и трактирах пить-есть безденежно.

Иван купеческий сын, получа открытый лист, пошел в самый богатый трактир, хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло, воротился на королевскую конюшню и лег спать. Вот так-то жил он у короля на конюшне круглых три года; а после того явилась королева – она кривой дорогой ехала. Отец радехонек, стал расспрашивать: «Кто тебя, дочь любезная, от горькой доли спас?» – «Такой-то солдат из купеческих детей». – «Да ведь он сюда пришел и мне большую радость сделал – Гриб-птицу изрубил!» Что долго думать-то? Обвенчали Ивана купеческого сына на королеве и сотворили пир на весь мир, и я там был, вино пил, по усам текло, во рту не было.

В скором времени пишет к королю трехглавый змей: «Отдай свою дочь, не то все королевство огнем сожгу, пеплом развею!» Король запечалился, а Иван купеческий сын хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло, кинулся в зеленые луга, поднял чугунную дверь, вывел богатырского коня, надел на себя меч-кладенец да боевую палицу, сел на коня и поскакал сражаться. «Эх, добрый молодец, – говорит змей, – что ты задумал... Я тебя на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!» – «Не хвались, прежде богу помолись!» – отвечал Иван, махнул мечом-кладенцом и сшиб разом все три головы. После победил он шестиглавого змея, а вслед за тем и двенадцатиглавого и прославился своей силою и доблестью во всех землях.

Окаменелое царство

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и беспорочно, царскую службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать – как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумал он бежать; ранец через плечо, ружьё на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать:

– Куда идёшь? Аль батальонный требует?

– Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!

И пошёл он, добрый мблodeц, куда глаза глядят.

Много ли, мало ли шёл – пробрался в иное государство, усмотрел часового и спрашивает:

– Нельзя ли где отдых взять?

Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор офицеру, офицер генералу, генерал доложил про него самому королю. Король приказал позвать того служивого перед свои светлые очи. Вот явился солдат, как следует – при форме, сделал ружьём на караул и стал как вкопанный. Говорит ему король:

– Скажи мне по совести, откуда и куда идёшь?

– Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить.

Признался во всём королю по совести и стал на службу проситься.

– Хорошо, – сказал король, – наймись у меня сад караулить; у меня теперь в саду неблагополучно – кто-то ломает мои любимые деревья, так ты постарайся – сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую.

Солдат согласился, стал в саду караул держать.

Год и два служит – всё у него исправно; вот и третий год на исходе, пошёл однажды сад оглядывать и видит – половина что ни есть лучших деревьев поломаны. «Боже мой! – думает сам с собою. – Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить». Взял ружьё в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался. Вдруг послышался треск и шум, очнулся добрый мблodeц, глядь – прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валять деревья. Солдат выстрелил в неё из ружья, убить не убил, а только ранил её в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица наутёк пустилась. Солдат за нею; ноги у птицы быстрые, скорёхонько добежала до провалища и скрылась из глаз.

Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печёнки и целые сутки лежал без памяти. После опомнился, встал, осмотрелся – что же? – и под землёй такой же свет. «Стало быть, – думает, – и здесь есть люди!» Шёл-шёл, перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать – часовой молчит, не движется; взял его за руку – а он совсем каменный! Взшёл солдат в караульню – народу много, и стоят и сидят, только все окаменелые; пустился бродить по улицам – везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, всё как есть камень! Вот и дворец расписной, вырезной, марш туда, смотрит – комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему – словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружьё и стал у дверей. Входит в палату прекрасная царевна с мамками, няньками; солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась.

– Здравствуй, служивый! Расскажи, – говорит, – какими судьбами ты сюда попал?

Солдат начал рассказывать:

– Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вот я подстерег её, выстрелил из ружья и выбил у неё из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь.

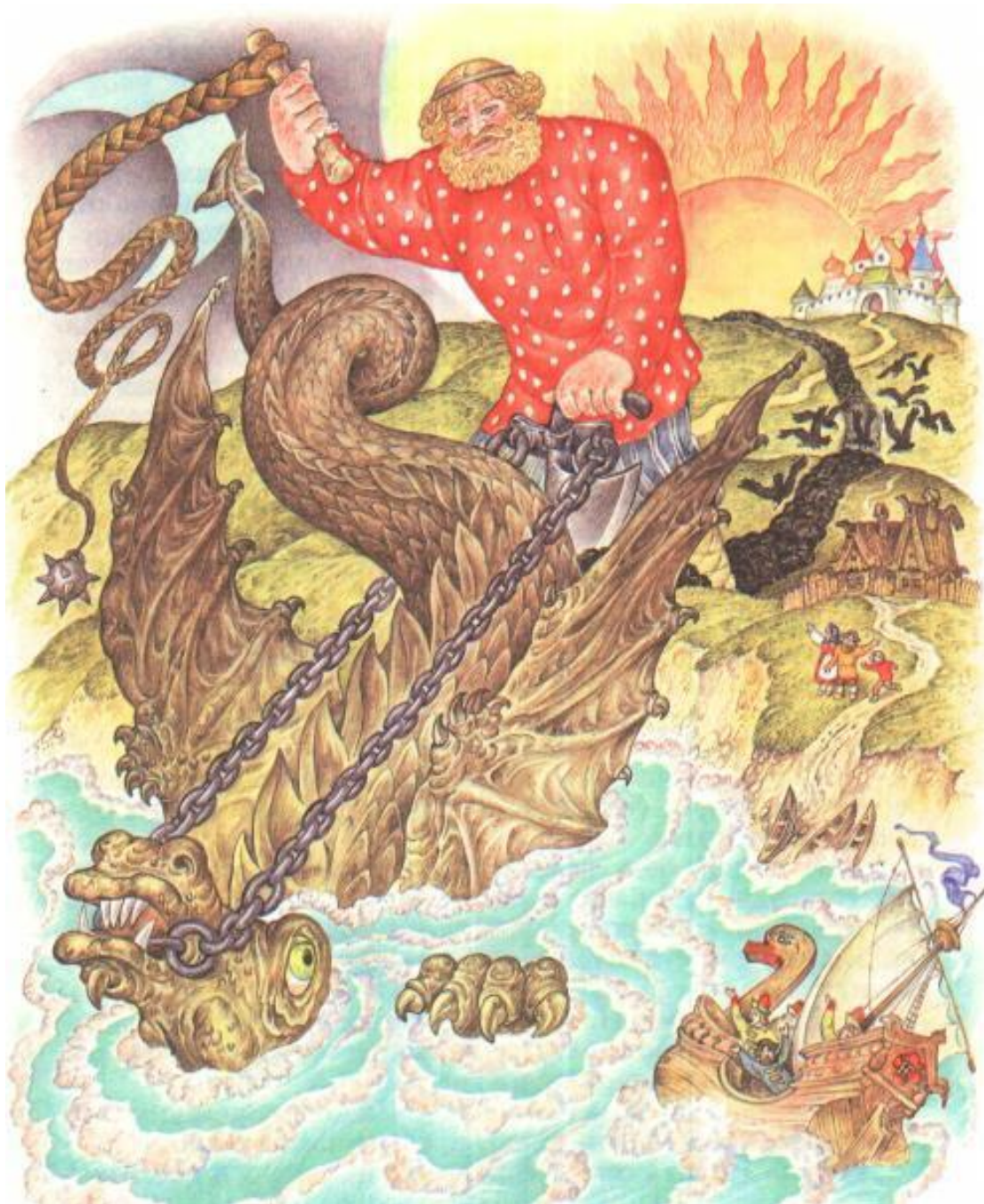
– Эта птица – мне родная сестра: много она творит всякого зла и на моё царство беду наслала – весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай её с вечера до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай своё – читай книжку да держи её крепче, чтоб не вырвали; не то жив не будешь! Если простоишь три ночи, то выйду за тебя замуж.

– Ладно! – отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать. Вдруг застучало, загремело – явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются... Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает. Закричали петухи – и всё разом сгнуло! На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал. Запели петухи – и демонское наваждение сгнуло! В тот самый час всё царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царевна с генералами, со свитой, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем. На другой день женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости.

Никита Кожемяка

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмёт девку да и съест её. Пришёл черёд идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил её к себе в берлогу, а есть её не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит брёвнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ ещё принесёт. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живёт в городе Киеве Кожемяка – тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Никита Кожемяка

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошёл просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришёл сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись – и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрасивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошёл супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку: авось на их слёзы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шёл он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слёзы глядя. Взял триста пуд пеньки, насолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошёл на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей запёрся и не выходит к нему.

– Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу! – сказал Кожемяка и стал уже двери ломать.

Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту:

– Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой.

– Хорошо, – сказал Кожемяка, – надо между проложить.

Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в неё змея, да и стал от Киева между пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского.

– Ну, – говорит змей, – теперь мы всю землю разделили!

– Землю разделили, – проговорил Никита, – давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут.

Взъехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажён. Кругом её пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, – называет её валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошёл опять кожи мять.

Иван-царевич, жар-птица и серый волк

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый – Дмитрий-царевич, другой – Василий-царевич, а третий – Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые. Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с неё золотые яблочки и опять улетала. Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблочек с неё сорвала; почему призвал к себе трёх своих сыновей и сказал им:

– Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моём саду жар-птицу? Кто изловит её живую, тому ещё при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и всё.

Тогда дети его царевичи возопили единогласно:

– Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать жар-птицу живую.

На первую ночь пошёл караулить в сад Дмитрий-царевич и, усевшись под ту яблоню, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та жар-птица прилетала и яблочек весьма много ощипала. Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Дмитрия-царевича и спросил:

– Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

Виктор Васнецов. Иван-царевич

Он родителю своему отвечал:

– Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На другую ночь пошёл в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал:

– Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

– Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На третью ночь пошёл в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий – вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещён был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил её за хвост; однако не мог её удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался. Поутру лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошёл к нему и отдал ему пёрышко жар-птицы. Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы. Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в тёмную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч. Царь Выслав положил то пёрышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им:

– Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам своё благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезёт.

Димитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему:

– Сын мой любезный, чадо моё милое! Ты ещё молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под богом; ежели во время отлучки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому.

Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куда едет.

Едучи путём-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зелёные луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мёртв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется». Иван-царевич прочёл эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня. Он ехал день, другой и третий – вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал:

– Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мёртв; так зачем сюда едешь?

Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошёл прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошёл пешком. Он шёл целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему:

– Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич сказал серому волку, куда ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привёз Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал:

– Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмёшь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!

Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на неё прельстился. Вынул птицу из клетки и пошёл назад, да потом одумался и сказал сам себе: «Что я взял жар-птицу без клетки, куда я её посажу?» Воротился и лишь только снял золотую клетку – то вдруг пошёл стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом. Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом:

– Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которя земли, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?

Иван-царевич ему молвил:

– Я есмь из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти всё дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть.

– Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, – молвил царь Долмат, – пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе жар-птицу честью отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моём государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу – съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор.

Иван-царевич пошёл от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришёл он к серому волку и рассказал ему обо всём, что ему царь Долмат говорил.

– Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! – молвил ему серый волк. – Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?

– Виноват я перед тобою, – сказал волку Иван-царевич.

– Добро, быть так! – молвил серый волк. – Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью. И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал:

– Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты её не бери, а то худо тебе будет.

Иван-царевич, вступая в белокаменные конюшни, взял коня и пошёл было назад; но увидел на стене золотую узду и так на неё прельстился, что снял её с гвоздя, и только что снял – как вдруг пошёл гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону. Царь Афрон начал его спрашивать:

– Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

– Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем.

– Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! – сказал ему царь Афрон. – Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришёл ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моём государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне королеву Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотой уздой честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу всё, как ты в моём государстве дурно сделал.

Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королеву Елену Прекрасную достать, а сам пошёл из палат его и горько заплакал.

Пришёл к серому волку и рассказал всё, что с ним случилось.

– Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! – молвил ему серый волк. – Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?

– Виноват я пред тобою, – сказал волку Иван-царевич.

– Добро, быть так! – продолжал серый волк. – Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевы Елены Прекрасной. И, пришедши к золотой решётке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу:

– Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зелёным дубом.

Иван-царевич пошёл, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решётки и дожидался, покуда пойдёт прогуляться в сад королева Елена Прекрасная. К вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решёткою, – вдруг серый волк перескочил через решётку в сад и ухватил королеву Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи. Прибежал в чистое поле под зелёный дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему:

– Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!

Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона. Няньки и мамки и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною

Еленю, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленю, возлюбил её сердцем, а она Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королевну Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слёзно плакать. Серый волк спросил его:

– О чём ты плачешь, Иван-царевич?

На то ему Иван-царевич отвечал:

– Друг мой, серый волк! Как мне, доброму мблодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королевну Елену, а теперь должен отдать её царю Афрону за коня златогривого, а ежели её не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах.

– Служил я тебе много, Иван-царевич, – сказал серый волк, – сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевной Еленю, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтёт за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками и с мамушками и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомни – и я опять у тебя буду.

Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю – и стал прекрасною королевною Еленю, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была. Иван-царевич взял серого волка, пошёл во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевне Елене велел дожидаться за городом. Когда Иван-царевич пришёл к царю Афрону с мнимую Еленю Прекрасною, то царь весьма возрадовался в сердце своём, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королевну, а коня златогривого вручил Иван-царевичу. Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата. Серый же волк живёт у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевны Елены, а на четвёртый день пришёл к царю Афрону проситься в чистое поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон:

– Ах, прекрасная моя королевна Елена! Я для тебя всё сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять.

И тотчас приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять.

Иван же царевич ехал путём-дорогою с Еленю Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка; да потом вспомнил: «Ах, где-то мой серый волк?» Вдруг откуда ни взялся – стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему:

– Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королевна пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка:

– Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конём мне расстаться не хочется.

Вдруг серый волк ударился о сырую землю – и стал конём златогривым. Иван-царевич, оставя прекрасную королевну Елену в зелёном лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату. И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повёл в палаты

белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялись и веселились ровно два дни, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотой клеткою. Царевич взял жар-птицу, пошёл за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасной королевой Еленой и поехал в своё отечество, в государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича.

– Иван-царевич! – сказал он. – Садись на меня, на серого волка, а королевна Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь. Как скоро довёз серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал:

– Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сём месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довёз тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга.

Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по сером волке и поехал в путь свой с прекрасною королевой.

Виктор Васнецов. Иван-царевич на сером волке

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевой Еленой на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевой лёг отдохнуть от солнечного зноя под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жар-птицею поставил подле себя. Лежа на мягкой траве и ведя разговоры любовные, они крепко уснули. В то самое время братья Ивана-царевича, Димит-

рий и Василий царевичи, езда по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в своё отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою. Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрий-царевич вынул из ножен меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королеву Елену и начал её спрашивать:

– Прекрасная девица! Которого ты государства, и какого отца дочь и как тебя по имени зовут?

Прекрасная королева Елена, увидя Ивана-царевича мёртвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила:

– Я королева Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек – что мёртвый!

Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевы Елены и сказал ей:

– Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезём тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!

Прекрасная королева Елена, испугавшись смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено. Тогда Димитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королева Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королева должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривый Димитрию-царевичу. Тогда Василий-царевич взял прекрасную королеву Елену, посадил на своего доброго коня, а Димитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить её родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мёртв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему – оживить, да не знал, как это сделать. В то самое время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наесться мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного воронёнка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему:

– Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал.

– Слушай, ворон воронович! – молвил серый волк. – Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридцатое государство, и принесёшь мне мёртвой и живой воды.

На то ворон воронович сказал серому волку:

– Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына.

Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду. На третий день ворон прилетел и принёс с собой два пузырька: в одном – живая вода, в другом – мёртвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал воронёнка надвое, sprыснул его мёртвою водою – и тот воронёнок сросся, sprыснул живую водою – воронёнок встрепенулся и полетел. Потом серый волк sprыснул Иван-царевича мёртвою водою – его тело срослось, sprыснул живую водою – Иван-царевич встал и промолвил:

– Ах, куды как я долго спал!

На то сказал ему серый волк:

– Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королеву Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспевай как можно скорее в своё отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте – на прекрасной королеве Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу.

Иван-царевич сел на серого волка; волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли, – прибежал к городу. Иван-царевич слез с серого волка, пошёл в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королеве Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом. Иван-царевич вошёл в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

– Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!

Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королеву Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чём она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл её, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали её, чтоб говорила, будто все это они достали. Царь Выслав весьма осердился на Димитрия и Василья царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королеве Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли.

Иван-царевич и Белый Полянин

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич. Как узнали про то соседние короли, сейчас собрали несчётные войска и пошли на него войною. Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сёстрам и спрашивает:

– Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Все короли поднялись на меня войною.

– Ах ты, храбрый воин! Чего убоялся? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!

Иван-царевич тотчас оседлал своего доброго коня, надел на себя сбрую ратную, взял меч-кладенец, копьё долгомерное и плётку шёлковую, помолился богу и выехал против неприятеля; не столько мечом бьёт, сколько конём топчет; перебил всё воинство вражее, воротился в город, лёг спать и спал трое суток беспробудным сном. На четвёртые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле – короли больше того войск собрали и опять под самые стены подступили.

Запечалился царевич, идёт к своим сёстрам:

– Ах, сестрицы! Что мне делать? Одну силу истребил, другая под городом стоит, пуше прежнего грозит.

– Какой же ты воин! Сутки воевал, да трое суток без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Иван-царевич побежал в белокаменные конюшни, оседлал доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копьё долгомерное, в другую плётку шёлковую, помолился богу и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьёт, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лёг спать и спал непробудным сном шесть суток. На седьмые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле – короли больше того войск собрали и опять весь город обступили.

Идёт Иван-царевич к сестрам:

– Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Две силы истребил, третья под стенами стоит, ещё пуше грозит.

– Ах ты, храбрый воин! Одни сутки воевал, да шестеро без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Горько показалось то царевичу; побежал он в белокаменные конюшни, оседлал своего доброго коня богатырского, надел на себя сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копьё долгомерное, в другую плётку шёлковую, помолился богу и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьёт, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лёг спать и спал непробудным сном девять суток. На десятые сутки проснулся, призвал всех министров и сенаторов:

– Господа мои министры и сенаторы! Вздумал я в чужие страны ехать, на Бела Полянина посмотреть; прошу вас судить и рядить, все дела разбирать в правду.

Затем попрощался с сёстрами, сел на коня и поехал в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли – заехал он в тёмный лес; видит – избушка стоит, в той избушке стар человек живёт. Иван-царевич зашёл к нему:

– Здравствуй, дедушка!

– Здравствуй, русский царевич! Куда бог несёт?

– Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?

– Сам я не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу – и вдруг начали к нему со всех сторон птицы слетаться. Налетело их видимо-невидимо, чёрной тучею всё небо покрыли. Крикнул стар человек громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Слуги мои верные, птицы перелётные! Не видали ль, не слышали ль чего про Белого Полянина?

– Нет, видом не видали, слыхом не слышали!

– Ну, Иван-царевич, – говорит стар человек, – ступай теперь к моему старшему брату; может, он тебе скажет. На, возьми клубочек, пусти перед собою; куда клубочек покатится, туда и коня управляй.

Иван-царевич сел на своего доброго коня, покатыл клубочек и поехал вслед за ним; а лес все темней да темней.

Приезжает царевич к избушке, входит в двери; в избушке старик сидит – седой как лунь.

– Здравствуй, дедушка!

– Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?

– Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?

– А вот погоди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко; заиграл в серебряную трубу – и вдруг собрались к нему со всех сторон разные звери. Крикнул им громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

– Слуги мои верные, звери прыскучие! Не видали ль, не слышали ль чего про Белого Полянина?

– Нет, – отвечают звери, – видом не видали, слыхом не слышали.

– А ну, рассчитайтесь промеж себя; может не все пришли.

Звери рассчитались промеж себя – нет кривой волчицы. Старик послал искать её; тотчас побежали гонцы и привели её.

– Сказывай, кривая волчица, не знаешь ли ты Белого Полянина?

– Как мне его не знать, коли я при нём завсегда живу; он войска побивает, а я мёртвым трупом питаюсь.

– Где же он теперь?

– В чистом поле, на большом кургане, в шатре спит. Воевал он с бабой-ягою золотой ногою, а после бою залёг на двенадцать суток спать.

– Проводи туда Ивана-царевича.

Волчица побежала, а вслед за нею поскакал царевич.

Приезжает он к большому кургану, входит в шатёр – Белый Полянин крепким сном почитает.

– Вот сёстры мои говорили, что Белый Полянин без роздыху воюет, а он на двенадцать суток спать залёг! Не заснуть ли и мне пока?

Подумал-подумал Иван-царевич и лёг с ним рядом. Тут прилетела в шатёр малая птичка, вьётся у самого изголовья и говорит таковые слова:

– Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет – сам тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правую ногу, выбросил за шатёр и опять лёг возле Белого Полянина. Не успел заснуть, как прилетает другая птичка, вьётся у изголовья и говорит:

– Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет – сам тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правое крыло, выбросил её из шатра и опять лёг на то же место. Вслед за тем прилетает третья птичка, вьётся у изголовья и говорит:

– Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти брата моего Ивана-царевича; не то он встанет да тебя убьёт!

Иван-царевич вскочил, изловил ту птичку и оторвал ей клюв; птичку выбросил вон, а сам лёг и крепко заснул.

Пришла пора – пробудился Белый Полянин, смотрит – рядом с ним незнамо какой богатырь лежит; схватился за острый меч и хотел было предать его злой смерти, да удержался вовремя. «Нет, – думает, – он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, доброму мблодцу, загубить его! Сонный что мёртвый! Лучше разбужу его». Разбудил Ивана-царевича и спрашивает:

– Добрый ли, худой ли человек? Говори: как тебя по имени зовут и зачем сюда заехал?

– Зовут меня Иваном-царевичем, а приехал на тебя посмотреть, твоей силы попытать.

– Больно смел ты, царевич! Без спросу в шатёр вошёл, без доклада выпался, можно тебя за то смерти предать!

– Эх, Белый Полянин! Не перескочил через ров, да хвастаешь; подожди – может, споткнёшься! У тебя две руки, да и меня мать не с одной родила.

Сели они на своих богатырских коней, съехали и ударились, да так сильно, что их копья вдребезги разлетелись, а добрые кони на колени попадали. Иван-царевич вышиб из седла Белого Полянина и занёс над ним острый меч. Взмолился ему Белый Полянин:

– Не дай мне смерти, дай мне живот! Назовусь твоим меньшим братом, вместо отца почитать буду.

Иван-царевич взял его за руку, поднял с земли, поцеловал в уста и назвал своим меньшим братом:

– Слышал я, брат, что ты тридцать лет с бабой-ягой золотой ногою воюешь, за что у вас война?

– Есть у неё дочь-красавица, хочу добыть да жениться.

– Ну, – сказал царевич, – коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе.

Сели на коней, выехали в чистое поле; баба-яга золотая нога выставила рать-силу несметную. То не ясные соколы налетают на стадо голубиное, напускаются сильномогучие богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубят, сколько конями топчут; прирубили, притоптали целые тысячи. Баба-яга наутёк бросилась, а Иван-царевич за ней вдогонку. Совсем было нагонять стал – как вдруг прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась под землёю. Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков много множество, начали их бить, кожи сымать да ремни резать; из тех ремней канат свили – да такой длинный, что один конец здесь, а другой на тот свет достанет. Говорит царевич Белому Полянину:

– Опускай меня скорей в пропасть, да назад каната не вытаскивай, а жди: как я за канат дёрну, тогда и тащи!

Белый Полянин опустил его в пропасть на самое дно. Иван-царевич осмотрелся кругом и пошёл искать бабу-ягу.

Шёл-шёл, смотрит – за решёткой портные сидят.

– Что вы делаете?

– А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьём для бабы-яги золотой ноги.

– Как же вы шьёте?

– Известно как: что кольнёшь иглою, то и казак с пикою, на лошадь садится, в строй становится и идёт войной на Белого Полянина.

– Эх, братцы! Скоро вы делаете, да не крепко; становитесь-ка в ряд, я вас научу, как крепче шить.

Они тотчас выстроились в один ряд; а Иван-царевич как махнёт мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошёл дальше. Шёл-шёл, смотрит – за решёткою сапожники сидят.

– Что вы тут делаете?

– Сидим да войско готовим для бабы-яги золотой ноги.

– Как же вы, братцы, войско готовите?

– А вот как: что шилом кольнём, то и солдат с ружьём, на коня садится, в строй становится и идёт войной на Белого Полянина.

– Эх, ребята! Скоро вы делаете, да не споро. Становитесь-ка в ряд, я вас получше научу.

Вот они стали в ряд; Иван-царевич махнул мечом, и полетели головы. Побил сапожников, и опять в дорогу.

Долго ли, коротко ли – добрался он до большого прекрасного города; в том городе царские терема выстроены, в тех теремах сидит девица красоты неописанной. Увидала она в окно добра молодца; полюбились ей кудри чёрные, очи соколиные, брови соболиные, ухватки богатырские; зазвала к себе царевича, расспросила, куда и зачем идёт. Он ей сказал, что ищет бабу-ягу золотую ногу.

– Ах, Иван-царевич, ведь я её дочь; она теперь спит непробудным сном, залегла отдыхать на двенадцать суток.

Вывела его из города и показала дорогу. Иван-царевич пошёл к бабе-яге золотой ногой, застал её сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатилась и промолвила:

– Бей ещё, Иван-царевич!

– Богатырский удар и один хорош! – отвечал царевич, воротился в терема к красной девице, сел с нею за столы дубовые, за скатерти браные. Наелся-напился и стал её спрашивать:

– Есть ли в свете сильнее меня и краше тебя?

– Ах, Иван-царевич! Что я за красавица! Вот как за тридевять земель, в тридесятом царстве живёт у царя-змея королевна, так та подлинно красота несказанная: она только ноги помыла, а я тою водою умылась!

Иван-царевич взял красную девицу за белую руку, привёл к тому месту, где канат висел, и подал знак Белому Полянину. Тот ухватился за канат и давай тянуть; тянул-тянул и вытащил царевича с красной девицей.

– Здравствуй, Белый Полянин, – сказал Иван-царевич, – вот тебе невеста; живи, веселись, ни о чём не крушись! А я в змеиное царство поеду.

Сел на своего богатырского коня, попрощался с Белым Полянином и его невестою и поскакал за тридевять земель. Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается – приехал он в царство змеиное, убил царя-змея, освободил из неволи прекрасную королевну и женился на ней; после того воротился домой и стал с молодой женою жить-поживать да добра наживать.

Загадки царевны

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак. Какой-то был тогда царь – это давно уж было; у него была дочь. Она и говорит отцу:

– Позволь мне, батюшка, отгадывать загадки; если у кого отгадаю загадки, тому чтобы голову ссекли, а не отгадаю, за того пойду замуж.

Тотчас сделали клич; многие являлись, всех казнили: царевна отгадывала загадки. Иван-дурак говорит отцу:

– Благословляй, батюшка! Я пойду к царю загадывать загадки!

– Куда ты, дурак! И лучше-то тебя, да казнят!

– Благословишь – пойду, и не благословишь – пойду!

Отец благословил. Иван-дурак поехал, видит: на дороге хлеб, в хлебе лошадь; он выгнал её кнутиком, чтоб не отапывала, и говорит: «Вот загадка есть!» Едет дальше, видит змею, взял её заколол копьём и думает: «Вот другая загадка!»

Приезжает к царю; его приняли и велят загадывать загадки. Он говорит:

– Ехал я к вам, вижу на дороге добро, в добре-то добро же, я взял добро-то да добром из добра и выгнал; добро от добра и из добра убежало.

Царевнахватила книжку, смотрит: нету этой загадки; не знает разгадать и говорит отцу:

– Батюшка! У меня сегодня головушка болит, мысли помешались; я завтра разгадаю.

Отложили до завтра. Ивану-дураку отвели комнату. Он вечером сидит, покуривает трубочку; а царевна выбрала верную горнишну, посылает её к Ивану-дураку:

– Поди, – говорит, – спроси у него, что это за загадка; сули ему злата и серебра, чего угодно.

Горнишна приходит, стучится; Иван-дурак отпёр двери, она вошла и спрашивает загадку, сулит горы золота и серебра. Иван-дурак и говорит:

– На что мне деньги! У меня своих много. Пусть царевна простоит всю ночь не спавши в моей горнице, дак скажу загадку.

Царевна услышала это, согласилась, стояла всю ночь – не спала. Иван-дурак утром сказал загадку, что выгнал из хлеба лошадь. И царевна разгадала.

Иван-дурак стал другую загадывать:

– Ехал я к вам, на дороге вижу зло, взял его да злом и ударил, зло от зла и умерло.

Царевна опять схватила книжку, не может разгадать загадку и отпросилась до утра. Вечером посылает горнишну узнать у Ивана-дурака загадку:

– Сули, – говорит, – ему денег!

– На что мне деньги! У меня своих много, – отвечает Иван-дурак, – пусть царевна простоит ночь не спавши, тогда скажу загадку.

Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала.

Третью загадку Иван-дурак так не стал загадывать, а велел собрать всех сенаторов и загадал, как царевна не умела отгадывать те загадки и посылала к нему горнишну подкупать на деньги. Царевна не могла догадаться и этой загадки; опять к нему спрашивать – сулила серебра и золота сколько угодно и хотела отправить домой на прогоне. Не тут-то было! Опять простояла ночь не спавши; он как сказал ей, о чём загадка, – ей разгадывать-то нельзя; о ней, значит, узнают, как и те загадки она выпытывала у Ивана-дурака. И ответила царевна:

– Не знаю.

Вот весёлым пирком, да и за свадебку: Иван-дурак женился на ней; стали жить да быть, и теперь живут.

Летучий корабль

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо – в чёрной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц, разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил:

– Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!

Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу чёрных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шёл-шёл и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня:

– Куда идёшь?

– Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль.

– Разве ты можешь сделать такой корабль?

– Нет, не сумею!

– Так зачем же ты идёшь?

– А бог его знает!

– Ну, если так, – сказал старик, – то садись здесь; отдохнём вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе.

– Да тут такое, что и показать стыдно людям!

– Ничего, вынимай; что бог дал – то и поснедаем!

Дурень развязал торбу – и глазам своим не верит: вместо чёрных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику.

– Видишь, – сказал ему старик, – как бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделён... Давай же выпьем наперёд горелки.

Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню:

– Слушай же – ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного.

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошёл к лесу. Подошёл к первому дереву, сделал всё так, как ему велено: три раза перекрестился, тукнул по дереву секирою, упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него – и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь – лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал.

– Здоров, дядьку!

– Здоров, небоже.

– Что ты делаешь?

– Слушаю, что на том свете делается.

– Садись со мною на корабль.

Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь – идёт человек на одной ноге, а другая до уха привязана.

– Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?

- Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!
- Садись с нами!

Тот сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – стоит человек с ружьём, прицеливается, а во что – неведомо.

– Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно. – Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу вёрст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!

- Садись же с нами!

Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь – несёт человек за спиною полон мех хлеба.

- Здоров, дядьку! Куда идёшь?
- Иду, – говорит, – добывать хлеба на обед.
- Да у тебя и так полон мешок за спиною.
- Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего.
- Садись-ка с нами!

Объедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – ходит человек вокруг озера.

- Здоров, дядьку! Чего ищешь?
- Пить хочется, да воды не найду.
- Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьёшь?
- Эка! Этой воды на один глоток мне не станет.
- Так садись с нами!

Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – идёт человек в лес, а за плечами вязанка дров.

- Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несёшь?
- Да это не простые дрова.
- А какие же?
- Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится.
- Садись с нами!

Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – человек несёт куль соломы.

- Здоров, дядьку! Куда несёшь солому?
- В село.

– Разве в селе-то мало соломы?

– Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь её – так зараз холодно делается: снег да мороз!

- Садись и ты с нами!
- Пожалуй!

Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошёл к кораблю, видит, что на нем всё мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донёс царю, что на корабле нет ни одного пана, а всё чёрные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целующей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню.

– Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!

- Не бойся, – сказал ему скороход, – я за тебя справлюсь.

Пришёл слуга и объявил царский приказ.

– Скажи: принесу! – отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целующей и живущей воды: «Успею, – думает, – воротиться!» – присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал:

– Экий! Спит себе под мельницей.

Стрелок схватил своё ружьё, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принёс воду; царь ещё из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи своё удалство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печёного хлеба». Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит:

– Да я и одного хлеба за один раз не съем!

– Не бойся, – отвечает Обьедало, – мне ещё мало будет!

Пришёл слуга, явил царский указ.

– Хорошо, – сказал дурень, – давайте, будем есть.

Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печёного; Обьедало один всё поел.

– Эх, – говорит, – мало! Ещё б хоть немножко дали...

Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок вёдер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить».

– Не бойся, – говорит Опивало, – я один за всех выпью; ещё мало будет!

Налили вином сорок бочек; Опивало пришёл и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит:

– Эх, маловато! Ещё б выпить.

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошёл дурень мыться, а за ним следом идёт мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому – и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мёрзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром открыли баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поёт. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит:

– Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь.

– Эх ты! – отозвался мужик с вязанкою дров. – А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!

Пришёл слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый полк войска».

– Добре, зрблю! Только если царь и после того станет отговариваться, то повоюю всё его царство и насильно возьму царевну.

Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны – тотчас явилось несметное войско; и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал

царь и в свой черёд испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нем души не чаяла.

Иван крестьянский сын и Мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. В одну ночь царю привиделся такой сон: будто у золотого кольца был привязан конь – что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу. Собралось на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали – никто не может сна растолковать, никто не берётся коня достать.

Наконец доложили царю, что у такого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его. Призвали Ивана. Спрашивает его царь:

– Рассудишь ли ты мой сон и достанешь ли коня?

Иван отвечает:

– Расскажи наперёд, что за сон и какой тебе конь надобен?

Царь говорит:

– В прошлой ночи привиделось мне, будто у золотого кольца на моём дворе был привязан конь – что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц.

– Это не сон, а быль; потому что в прошлую ночь на этом коне приезжал к тебе двенадцатиглавый змей и хотел царевну украсть.

– А можно ли достать этого коня?

Иван отвечает:

– Можно – только тогда, как минет мне пятнадцать лет.

В то время было Ивану только двенадцать годочков; царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати.

Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю:

– Давай, государь, мне коня, на котором можно б доехать до того места, где змей находится.

Царь повёл его в конюшни и показал всех своих лошадей; только он не мог ни одной выбрать по своей силе и тяжести: как наложит на которую лошадь свою богатырскую руку, та и упадёт. И сказал он царю:

– Пусти меня в чистое поле поискать себе под силу коня.

Царь его отпустил.

Иван крестьянский сын три года искал, нигде не мог сыскать. Идет со слезами обратно к царю. Попадаетеся ему навстречу старичок и спрашивает:

– Что ты, парень, плачешь?

Он ему на спрос грубо отвечал, просто-напросто от себя прогнал; старик молвил:

– Смотри, малый, не помяни меня.

Иван немного отошёл от старика, подумал сам с собою: «За что я старика обидел? Стары люди много знают». Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал:

– Дедушка, прости меня, со кручины тебя обидел. Я плачу вот о чём: три года ходил я по полю по разным табунам – нигде не мог сыскать по себе коня.

Старик отвечает:

– Поди в такое-то село, там у мужичка на конюшне стоит кобыла, а от той кобылы родился паршивый жеребёнок; ты возьми его и выкорми: он тебе будет под силу.

Иван поклонился старику и пошёл в село.

Приходит к мужику прямо в конюшню, увидел кобылу с паршивым жеребёнком и наложил на того жеребёнка руку. Жеребёнок нимало не поробил; он взял его у крестьянина, покормил несколько времени, приехал к царю и рассказал ему, как добыл себе коня. Потом стал сражаться в гости к змею. Царь спросил:

– Сколько тебе, Иван крестьянский сын, надобно силы?

Отвечает Иван:

– На что мне твоя сила? Я один могу достать; разве только для посылок дай человек шесть.

Дал ему царь шесть человек; вот они собрались и поехали.

Долго ли, коротко ли они ехали – никому не ведомо; ведомо только то, что приехали они к огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. В том лесу раскинули они шатёр, достали разных напитков, начали пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын говорит товарищам:

– Давайте, ребята, каждую ночь поочерёдно караулить: не будет ли кто проезжать через эту реку?

И случилось так: кто ни пойдёт из его товарищей караул держать, всякий напьётся с вечера пьян и ничего не видит.

Наконец пошёл караулить Иван крестьянский сын; смотрит: в самую полночь едет через реку змей о трёх головах и подаёт голос:

– Нет мне ни спорщика, ни наговорщика; есть разве один спорщик и наговорщик – Иван крестьянский сын, да и того ворон в пузыре костей не заносил!

Иван крестьянский сын из-под моста выскочил:

– Врёшь ты! Я здесь.

– А если здесь, то давай поспорим.

И выехал змей против Ивана на коне, а Иван выступил пеший, размахнулся своей саблею и срубил змею все три головы, а коня себе взял и привязал у шатра.

На другую ночь Иван крестьянский сын убил шестиглавого змея, на третью ночь девятиглавого и побросал их в огненную реку. А как пошёл караулить на четвертую ночь, то приехал к нему двенадцатиглавый змей и стал говорить гневно:

– Кто таков Иван крестьянский сын? Сейчас выходи ко мне! Зачем побил моих сыновей?

Иван крестьянский сын выступил и сказал:

– Позволь мне наперёд сходить к своему шатру; а после сражаться будем.

– Хорошо, ступай!

Иван побежал к товарищам:

– Ну, ребята, вот вам таз, смотрите в него; когда он полон нальётся крови, приезжайте ко мне.

Воротился и стал против змея, и когда они разошлись и ударились, то Иван с первого раза срубил у змея четыре головы, а сам по колена в землю ушёл; во второй раз разошлись – Иван три головы срубил, а сам по пояс в землю ушёл; в третий раз разошлись – ещё три головы отсек, сам по грудь ушёл; наконец одну срубил – по шейку ушёл. Тогда только вспомнили про него товарищи, посмотрели в таз и увидели, что кровь через край льётся; прибежали и срубили у змея последнюю голову, а Ивана из земли вытащили. Иван крестьянский сын взял змеиною коня и увёл к шатру.

Вот прошла ночь, настает утро; начали добрые молодцы пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын встал от веселья и сказал своим товарищам:

– Вы, ребята, меня подождите! – а сам оборотился котом, пошёл по мосту через огненную реку, пришёл в тот дом, где змеи жили, и стал дружиться с тамошними кошками. А в целом доме осталось в живых только сама змеиха да три её снохи; сидят они в горнице и говорят между собою:

– Как бы нам злодея Ивана крестьянского сына сгубить?

Малая сноха говорит:

– Куда б ни поехал Иван крестьянский сын, сделаю на пути голод, а сама оборочусь яблоней; как он съест яблочко, сейчас разорвёт его!

Средняя сказала:

– А я на пути их сделаю жажду и оборочусь колодцем; пусть попробует выпить!

Старшая сказала:

– А я наведу сон, а сама сделаюсь кроватью; если Иван крестьянский сын ляжет, то сейчас помрёт!

Наконец сама свекровь сказала:

– А я разину пасть свою от земли до неба и всех их пожру!

Иван крестьянский сын выслушал всё, что они говорили, вышел из горницы, оборотился человеком и пришёл к своим товарищам:

– Ну, ребята, сряжайтесь в путь!

Собрались, поехали в путь, и в первый раз на пути сделался ужасный голод, так что нечего было перекусить; видят они – стоит яблоня; товарищи Ивановы хотели нарвать яблоков, но Иван не велел.

– Это, – говорит, – не яблоня! – и начал её рубить; из яблони кровь пошла.

Во второй раз напала на них жажда; Иван увидал колодец, не велел пить, начал его рубить – из колодца кровь потекла. В третий раз напал на них сон; стоит на дороге кровать, Иван и её изрубил. Подъезжают они к пасти, разинутой от земли до неба; что делать? Вздумали с разлёту через пасть скакать. Никто не мог перескочить; только перескочил один Иван крестьянский сын: вынес его из беды чудесный конь – что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц.

Приехал он к одной реке; у той реки стоит избёнка. Тут попадается ему навстречу мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст и говорит ему:

– Отдай мне коня; а коли не отдашь чеством, то насилкой возьму!

Отвечает Иван:

– Отойти от меня, проклятый гад, покудова тебя конём не раздавил!

Мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст сшиб его наземь, сел на коня и уехал. Входит Иван в избёнку и сильно о коне тужит. В той избёнке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану:

– Послушай, добрый мблodeц – не знаю, как тебя по имени назвать; зачем ты связывался с ним бороться? Я не этакий был богатырь, как ты; да и то он у меня и руки и ноги отъел!

– За что?

– А за то, что я у него на столе хлеб поел!

Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать? Говорит ему безногий-безрукий:

– Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевозки, ни с кого денег не бери; разве тогда достанешь!

Иван крестьянский сын поклонился ему, пошёл на реку, снял перевоз и целых три года перевозил безденежно. Однажды случилось ему перевозить трёх старичков, они дают ему денег, он не берет.

– Скажи, добрый мблodeц, почему ты денег не берёшь?

Он отвечает:

– По обещанию.

– По какому?

– У меня ехидный человек коня отбил; так меня добрые люди научили, чтоб я перевоз снял да три года ни с кого денег не брал.

Старички сказали:

– Пожалуй, Иван крестьянский сын, мы готовы тебе услужить – твоего коня достать.

– Помогите, родимые!

Старички были не простые люди: это был Студенец, Обжора и колдун. Колдун вышел на берег, нарисовал на песке лодку и говорит:

– Ну, братцы, видите вы эту лодку?

– Видим!

– Садитесь в неё.

Сели все четверо в эту лодку. Говорит колдун:

– Ну, лёгкая лодочка, сослужи мне службу, как прежде служила.

Вдруг лодка поднялась по воздуху и мигом, словно стрела, из лука пущенная, привезла их к большой каменистой горе. У той горы дом стоит, а в доме живёт сам с пёрст, а усы на семь вёрст. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иван начал коня просить; мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст сказал ему:

– Украдь у царя дочь и привези ко мне, тогда отдам коня.

Иван сказал про то своим товарищам, и тотчас они его оставили, а сами к царю отправились. Приезжают; царь узнал, почто они приехали, и приказал слугам баню истопить, докрасна накалить: пусть де задбхнутся! После попросил гостей в баню: они поблагодарили и пошли. Колдун велел наперед Студенцу идти. Студенец взошёл в баню и прохладил; вот они вымылись, выпарились и пришли к царю. Царь приказал большой обед подавать; множество всяких яств на стол было подано. Обжора принялся и всё поел. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли к мужичку сам с пёрст, усы на семь вёрст; царевну ему отдавали, а коня выручали.

Иван крестьянский сын поклонился старичкам, сел на коня и поехал к царю. Ехал-ехал, остановился в чистом поле отдохнуть, разбил шатёр и лег опочив держать. Проснулся, хватъ – подле него царевна лежит. Он обрадовался, начал её спрашивать:

– Как сюда угодила?

Царевна сказала:

– Я оборотилась булавкою да в твой воротник воткнулась.

В ту ж минуту оборотилась она опять булавкою; Иван крестьянский сын воткнул её в воротник и поехал дальше. Приезжает к царю; царь увидел чудного коня, принимает доброго мблодца с честью и рассказывает, как у него дочь украли. Иван говорит:

– Не горюй, государь! Я её назад привёз.

Вышел в другую комнату; царевна оборотилась красной дэвицей. Иван взял её за руку и привёл к царю. Царь ещё больше возрадовался, взял себе коня, а дочь отдал замуж за Ивана крестьянского сына. Иван и поныне живёт с молодой женою.

Крошечка-Хаврошечка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли её эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подаёт, и прибирает, и за всех и за всё отвечает.

Крошечка-Хаврошечка

А были у её хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

– Коровушка-магушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

– Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – всё будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка – всё готово: и наткано, и побелено, и покатоно. Отнесёт к мачехе; та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а ей ещё больше работы задаст. Хаврошечка опять придёт к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт принесёт.

Дивится старуха, зовёт Одноглазку:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

– Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает:

– Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка всё ещё спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте ещё больше работы дала. И Триглазка, как её старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поёт:

– Спи, глазок, спи, другой! – а об третьем забыла.

Два глаза заснули, а третий глядит и всё видит, всё – как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Всё, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

– Режь рябую корову!

Старик так-сяк:

– Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке:

– Коровушка-матушка! Тебя хотят резать.

– А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их расседи и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

Хаврошечка всё сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая – боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – тот заглядывается.

Случилось раз – девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин – богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек:

– Девицы-красавицы! – говорит он. – Которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались – ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не зная.

Баба яга

1

Жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужик женился на другой, и от этой прижил дочь. Вот жена и невзлюбила падчерицу; нет житья сироте. Думал, думал наш мужик и повёз свою дочь в лес. Едет лесом – глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит мужик:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом.
Избушка и поворотилась.

Виктор Васнецов. Баба-яга

Идёт мужик в избушку, а в ней баба-яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом – другая.

– Русским духом пахнет! – говорит яга.

Мужик кланяется:

– Баба-яга костяная нога! Я тебе дочку привёз в услуженье.

– Ну, хорошо! Служи, служи мне, – говорит яга девушке, – я тебя за это награжу.

Отец простился и поехал домой. А баба-яга задала девушке пряжи с короб, печку истопить, всего припаси, а сама ушла. Вот девушка хлопочет у печи, а сама горько плачет. Выбежали мышки и говорят ей:

– Девица, девица, что ты плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем.

Она дала им кашки.

– А вот, – говорят, – ты на всякое веретёнце по ниточке напряди.

Пришла баба-яга:

– Ну что, – говорит, – всё ли ты припасла?

А у девушки всё готово.

– Ну, теперь поди – вымой меня в бане.

Похвалила яга девушку и надавала ей разной сряды. Опять яга ушла и ещё труднее задала задачу. Девушка опять плачет. Выбегают мышки:

– Что ты, – говорят, – девица красная, плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем.

Она дала им кашки, а они опять научили её, что и как сделать. Баба-яга опять, пришедши, её похвалила и ещё больше дала сряды... А мачеха посылает мужа проведать, жива ли его дочь?

Поехал мужик; приезжает и видит, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома, он и взял её с собой. Подъезжают они к своей деревне, а дома собачка так и рвётся:

– Хам, хам, хам! Барыню везут, барыню везут!

Мачеха выбежала да скалкой собачку.

– Врёшь, – говорит, – скажи: в коробе косточки гремят!

А собачка всё своё. Приехали. Мачеха так и гонит мужа – и её дочь туда же отвезти. Отвёз мужик.

Вот баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Девка так и рвётся с досады и плачет. Выбегают мыши.

– Девица, девица! О чём ты, – говорят, – плачешь?

А она не дала им выговорить, то тоё скалкой, то другую; с ними и провозилась, а дела-то не приделала. Яга пришла, рассердилась. В другой раз опять то же; яга изломала её, да косточки в короб и склала. Вот мать посылает мужа за дочерью. Приехал отец и повёз одни косточки. Подъезжает к деревне, а собачка опять лает на крыльчке:

– Хам, хам, хам! В коробе косточки везут!

Мачеха бежит со скалкой:

– Врёшь, – говорит, – скажи: барыню везут!

А собачка всё своё:

– Хам, хам, хам! В коробе косточки гремят!

Приехал муж; тут-то жена взвыла! Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

2

Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха её не полюбила, била её и думала, как бы вовсе извести. Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке:

– Поди к своей тётке, моей сестре, попроси у неё иголочку и ниточку – тебе рубашку сшить.

А тетка эта была баба-яга костяная нога.

Вот девочка не была глупа, да зашла прежде к своей родной тётке.

– Здравствуй, тётушка!

– Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

– Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку – мне рубашку сшить.

Та её и научает:

– Там тебя, племянушка, будет берёзка в глаза стегать – ты её ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать – ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать – ты им хлебца брось; там тебе кот будет глаза драть – ты ему ветчины дай.

Пошла девочка; вот идёт, идёт и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит баба-яга костяная нога и ткёт.

– Здравствуй, тётушка!

– Здравствуй, родимая!

– Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку – мне рубашку сшить.

– Хорошо; садись покуда ткать.

Вот девочка села за кросна, а баба-яга вышла и говорит своей работнице:

– Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

Девочка сидит ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу:

– Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи, – и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает:

– Ткёшь ли, племянюшка, ткёшь ли, милая?

– Тку, тётушка, тку, милая!

Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает:

– Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?

– Вот тебе гребешок и полотенце, – говорит кот, – возьми их и убежи; за тобою будет гнаться баба-яга, ты приклони ухо к земле и как заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце – сделается широкая-широкая река; если ж баба-яга перейдёт через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и как услышишь, что она близко, брось гребешок – сделается дремучий-дремучий лес; сквозь него она уже не проберётся!

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели её рвать – она бросила им хлебца, и они её пропустили; ворота хотели захлопнуться – она подлила им под пяточки маслица, и они её пропустили; берёзка хотела ей глаза выстегать – она её ленточкой перевязала, и та её пропустила. А кот сел за кросна и ткёт: не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

– Ткёшь ли, племянюшка, ткёшь ли, милая?

– Тку, тётка, тку, милая! – отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза.

– Я тебе сколько служу, – говорит кот, – ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала.

Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на берёзку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей:

– Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала.

Ворота говорят:

– Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила.

Берёзка говорит:

– Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:

– Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба-яга костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга гонится, и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиста. Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась – не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает:

– Где же моя дочка?

– Она пошла к тётушке, – говорит мачеха.

Немного погодя и девочка прибежала домой.

– Где ты была? – спрашивает отец.

– Ах, батюшка! – говорит она. – Так и так – меня матушка послала к тётке попросить иголку с ниточкой – мне рубашку сшить, а тётка, баба-яга, меня съесть хотела.

– Как же ты ушла, дочка?

Так и так – рассказывает девочка. Дед как узнал всё это, рассердился на жену и расстрелил её; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать, и я там был, мёд-пиво пил: по усам текло, в рот не попало.

Баба яга и Заморышек

Жил-был старик да старуха; детей у них не было. Уж чего они ни делали, как ни молились богу, а старуха всё не рожала. Раз пошёл старик в лес за грибами; попадаетея ему дорогою старый дед.

– Я знаю, – говорит, – что у тебя на мыслях; ты всё об детях думаешь. Поди-ка по деревне, собери с каждого двора по яичку и посади на те яйца клушку-наседку; что будет, сам увидишь!

Старик воротился в деревню; в ихней деревне был сорок один двор; вот он обошёл все дворы, собрал с каждого по яичку и посадил клушку на сорок одно яйцо. Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха, – а из тех яичек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких, а один не удался – хил да слаб! Стал старик давать мальчикам имена; всем дал, а последнему не достало имени.

– Ну, – говорит, – будь же ты Заморышек!

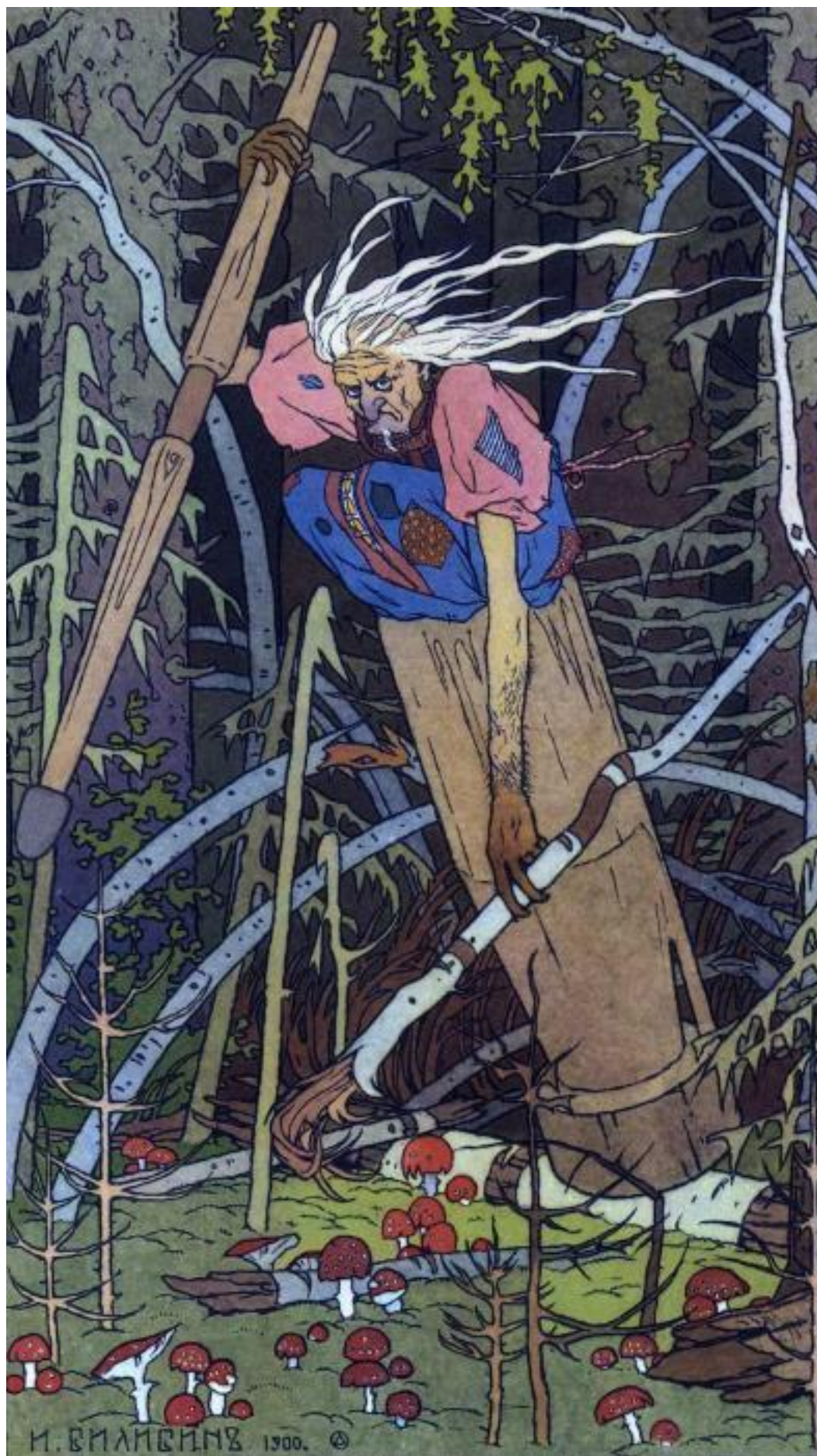
Растут у старика со старухой детки, растут не по дням, а по часам; выросли и стали работать, отцу с матерью помогать; сорок мблодцев в поле возьтятся, а Заморышек дома управляется. Пришло время сенокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали с неделю и вернулись на деревню; поели, что бог послал, и легли спать. Старик смотрит и говорит:

– Молодо-зелено! Едят много, спят крепко, а дела, поди, ничего не сделали!

– А ты прежде посмотри, батюшка! – отзывается Заморышек.

Старик снарядился и поехал в луга; глянул – сорок стогов смётано:

– Ай да молодцы ребята! Сколько за одну неделю накосили и в стога сметали.

Иван Билибин. Баба Яга

На другой день старик опять собрался в луга, захотелось на своё добро полюбоваться; приехал – а одного стога как не бывало! Воротился домой и говорит:

– Ах, детки! Ведь один стог-то пропал.

– Ничего, батюшка! – отвечает Заморышек. – Мы этого вора поймаем; дай-ка мне сто рублёв, а уж я дело сделаю.

Взял у отца сто рублёв и пошёл к кузнецу:

– Можешь ли сковать мне такую цепь, чтоб хватило с ног до головы обвить человека?

– Отчего не сковать!

– Смотри же, делай покрепче; коли цепь выдержит – сто рублёв плачу, а коли лопнет – пропал твой труд!

Кузнец сковал железную цепь; Заморышек обвил её вокруг себя, потянул – она и лопнула. Кузнец вдвое крепче сделал; ну, та годилась. Заморышек взял эту цепь, заплатил сто рублёв и пошёл сено караулить; сел под стог и дожидается.

Вот в самую полуночь поднялась погода, всколыхалось море, и выходит из морской глубины чудная кобылица, подбежала к первому стогу и принялась пожирать сено. Заморышек подскочил, обротал её железной цепью и сел верхом. Стала его кобылица мыкать, по долам, по горам носить; нет, не в силах седока сбить! Остановилась она и говорит ему:

– Ну, добрый молодец, когда сумел ты усидеть на мне, то возьми-владей моими жеребятами.

Подбежала кобылица к синю морю и громко заржала; тут сине море всколыхалось, и вышли на берег сорок один жеребец; конь коня лучше! Весь свет изойди, нигде таких не найдёшь! Утром слышит старик на дворе ржанье, топот; что такое? а это его сынок Заморышек целый табун пригнал.

– Здорово, – говорит, – братцы! Теперь у всех у нас по коню есть; поедemте невест себе искать.

– Поедем!

Отец с матерью благословили их, и поехали братья в путь-дорогу далёкую.

Долго они ездили по белому свету, да где столько невест найти? Порознь жениться не хочется, чтоб никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у неё как раз сорок одна дочь народилась? Заехали молодые за тридевять земель; смотрят: на крутой горе стоят белокаменные палаты, высокой стеной обведены, у ворот железные столбы поставлены. Сосчитали – сорок один столб. Вот они привязали к тем столбам своих богатырских коней и идут на двор. Встречает их баба-яга:

– Ах вы, незваные-непрошенные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?

– Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай.

Баба-яга накормила их, напоила, в баню сводила и стала спрашивать:

– Что, добрые молодые, дела пытаете или от дела лытаете?

– Дела пытаем, бабушка!

– Чего ж вам надобно?

– Да невест ищем.

– У меня есть дочери, – говорит баба-яга, бросилась в высокие терема и вывела сорок одну девицу.

Тут они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечером пошёл Заморышек на своего коня посмотреть. Увидел его добрый конь и промолвил человеческим голосом:

– Смотри, хозяин! Как ляжете вы спать с молодыми женами, нарядите их в свои платья, а на себя наденьте женины; не то все пропадём!

Заморышек сказал это братьям; нарядили они молодых жён в свои платья, а сами оделись в жёнины и легли спать. Все заснули, только Заморышек глаз не смыкает. В самую полночь закричала баба-яга зычным голосом:

– Эй вы, слуги мои верные! Рубите незванным гостям буйны головы.

Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы дочерям бабы-яги. Заморышек разбудил своих братьев и рассказал всё, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены, потом оседлали коней и поехали наскоро.

Поутру встала баба-яга, глянула в окошечко – кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда мблодцам спрятаться? Впереди сине море, позади баба-яга – и жёт и палит! Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у бабы-яги платочек, махнул тем платочком перед собою – и вдруг перекинулся мост через всё сине море; переехали добрые мблодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком в иную сторону – мост исчез, баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали.

Баба яга и Жихарь

1

Жил кот, воробей да жихарько третей. Кот да воробей пошли дрова рубить и говорят жихарьку:

– Домовничай да смотри: ежели придёт яга-баба да станет считать ложки, ты ничего не говори, молчи!

– Ладно, – ответил жихарь.

Кот да воробей ушли, а жихарь сел на печь за трубу. Вдруг является яга-баба, берёт ложки и считает:

– Это – котова ложка, это – воробьёва ложка, третья – жихарькова.

Жихарь не мог стерпеть, закричал:

– Не тронь, яга-баба, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, села в ступу, поехала; едет в ступе, пестом понужат, а помелом следы заметат. Жихарь заревел:

– Кот, беги! Воробей, лети!

Те услышали, прибежали. Кот начал царапать ягу-бабу, а воробей клевать; отняли жихаря.

На другой день стали опять собираться в лес дрова рубить, заказывают жихарю:

– Смотри, ежели будет яга-баба, ничего не говори; мы теперь далеко уйдём.

Жихарь только сел за трубу на печь, яга-баба опять явилась, начала считать ложки:

– Это – котова ложка, это – воробьёва ложка, это – жихарькова.

Жихарько не мог утерпеть, заревел:

– Не тронь, яга-баба, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, потащила, а жихарь ревет:

– Кот, беги! Воробей, лети!

Те услышали, прибежали; кот царапать, воробей клевать ягу-бабу! Отняли жихаря, ушли домой.

На третий день собрались в лес дрова рубить, говорят жихарю:

– Смотри, ежели придёт яга-баба – молчи; мы теперь далеко уйдём.

Кот да воробей ушли, а жихарь третей уселся за трубу на печь; вдруг опять яга-баба берёт ложки и считает:

– Это – котова ложка, это – воробьёва ложка, третья – жихарькова.

Жихарь молчит. Яга-баба вдругорядь считает:

– Это – котова ложка, это – воробьёва, это – жихарькова.

Жихарь молчит. Яга-баба в третий раз считает:

– Это – котова ложка, это – воробьёва ложка, третья – жихарькова.

Жихарько не мог стерпеть, забазлал:

– Не тронь, курва, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, потащила. Жихарь кричит:

– Кот, беги! Воробей, лети!

Братья его не слышат.

Притащила яга-баба жихаря домой, посадила в голбец, сама затопила печку, говорит большой дочери:

– Девка! Я пойду в Русь; ты изжарь к обеду мне жихарька.

– Ладно! – та говорит.

Печка истопилась, девка велит выходить жихарю. Жихарь вышел.

– Ложись на ладку! – говорит опять девка.

Жихарь лёг, уставил одну ногу в потолок, другу в наволоку. Девка говорит:

– Не так, не так!

Жихарь бает:

– А как? Ну-ка поучи.

Девка легла в ладку. Жихарь не оробел, схватил ухват, да и пихнул в печь ладку с ягиш-ниной дочерью, сам ушёл опять в голбец, сидит – дожидается ягой-бабы. Вдруг яга-баба прибежала и говорит:

– Покататься было, повалиться было на жихарьковых косточках!

А жихарь ей в ответ:

– Покатайся, повались на дочерниных косточках!

Яга-баба спохватилась, посмотрела: дочь её изжарена, и заревела:

– А, ты, мошенник, стой! Не увернёшься!

Приказывают средней дочери изжарить жихарьку, сама уехала. Средняя дочь истопила печку, велит выходить жихарьку. Жихарь вышел, лег в ладку, одну ногу уставил в потолок, другу в наволоку. Девка говорит:

– Не так, не так!

– А поучи: как?

Девка легла в ладку. Жихарь взял да и пихнул её в печь, сам ушёл в голбец, сидит там.

Вдруг яга-баба:

– Покататься было, повалиться было на жихарьковых косточках!

Он в ответ:

– Повались, покатайся на дочерниных косточках!

Ягишна взбесилась:

– Э, стой, – говорит, – не увернёшься!

Приказывает молодой дочери изжарить его. Не тут-то было, жихарь и эту изжарил.

Яга-баба пуще рассердилась:

– погоди, – говорит, – у меня не увернёшься!

Истопила печь, кричит:

– Выходи, жихарько! Ложись вот на ладку.

Жихарь лёг, уставил одну ногу в потолок, другу в наволоку, не уходит в чело. Яга-баба говорит:

– Не так, не так!

А жихарь будто не знает.

– Я, – говорит, – не знаю, поучи сама!

Яга-баба тотчас поджалась и легла в ладку. Жихарь не оробел, взял да её и пихнул в печь; сам ступай домой, прибежал, сказывают братьям:

– Вот чего я сделал с ягой-бабой!

2

В одной семье было три брата: большего прозывали Бараном, среднего Козлом, а меньшего звали Чуфиль-Филюшка. Вот однажды все они трое пошли в лес, а в лесу жил караульщиком родной их дедушка. У этого дедушки Баран да Козел оставили своего родного брата Чуфиль-Филюшку, а сами пошли в лес на охоту. Филюшке была и воля и доля: дедушка был стар и большой недогад, а Филюшка тороват. Захотелось ему съесть яблочко; он отвернулся от дедушки да в сад, и залез на яблонь. Вдруг откуда ни взялась яга-бура в железной ступе с пехтилем в руке; прискакала к яблоне и сказала:

- Здорово, Филюшка! Зачем туда залез?
- Да вот яблочко сорвать, – сказал Филюшка.
- На-ка, родимый, тебе моего яблочка.
- Это гнилое, – сказал Филюшка.
- На́ вот другое!
- А это червивое.
- Ну, будет тебе дурачиться, Филюшка! А ты вот возьми-ка у меня яблочко-то из ручки

в ручку.

Он протянул руку. Яга-бура как схватит его, посадила в ступу и поскакала по кустам, по лесам, по оврагам, борзо погоняет ступу пехтилем.

Тут Филюшка, опомнившись, начал кричать:

– Козёл, Баран! Бежите скорей! Меня яга утащила за те горы за крутые, за те леса за тёмные, за те степи за гусиновые.

Козёл и Баран отдыхали тогда; один лежал на земле, вот ему и слышится – кричит кто-то.

– Прислонись-ка ты к земле! – говорит лежачий сидящему.

– Ой, это кричит наш Филюшка!

Пустились они бежать, бежали-бежали и догнали ягу-буру, отбили Филюшку и привезли к дедушке, а дедушка с ума по нём сошёл! Вот приказали они дедушке смотреть за Филюшкой, а сами ушли. Филюшка по прежней уловке опять залез на яблонь; только залез, а яга-бура опять перед ним и даёт ему яблочко.

– Нет, не обманешь меня, злодейка! – сказал Филюшка.

– Да ты, Филюшка, хоть поймай у меня яблочко; я тебе брошу.

– Хорошо, кидай!

Яга нарочно кинула ему яблочко пониже; он потянулся за яблочком, хотел было схватить – вдруг хватить его за руку яга-бура и помчала без памяти опять по горам, по долам и по тёмным лесам; притащила его в свой дом, вымыла, выхолила и посадила в коник.

Вот поутру собирается яга идти в лес и приказывает своей дочери:

– Ну, дочка моя, истопи печь жарко-на́жарко и зажарь мне Чуфиль-Филюшку к ужоткому! – а сама ушла на добычу.

Дочь истопила жарко печку, взяла, связала Филюшку и положила на лопату, и только хочет пихнуть его в печку – он упрёт да и упрёт в чело ногами.

– Ты не так, Филюшка! – сказала дочь яги-бурой.

– Да как же? – говорит Филюшка. – Я не умею.

– Вот как, пусти-ка, я тебя научу! – и легла на лопату, как надо, а Чуфиль-Филюшка был малый не промах: как вдруг сунет её в печь и закрыл заслоном крепко-накрепко.

Прошло не больше как часа два-три, Филюшка учуял, что запахло жареным, отслонил заслонку и вынул дочь яги-бурой изжаренную, помазал её маслом, прикрыл на сковороде полотенцем и положил в коник; а сам ушёл на потолок да взял с собою будничный пехтиль и ступу яги-бурой. Вот перед вечером приходит яга-бура, прямо сунулась в коник и вытащила жаркое; поела всё, собрала все кости, разложила их на земле рядом и начала по ним кататься, а про дочь и не встрянет – думает, что она в другой избе шерсть прядёт. Вот яга, катаючись, приговаривает:

– Любезная моя дочь! Выйди ко мне и покатайся со мною на Филюшкиных косточках!

А Филюшка с потолка кричит:

– Покатайся, мать, поваляйся, мать, на дочерниных косточках!

– А, ты там, разбойник? Постой же, я тебе задам! – заскрипела зубами, застучала ногами и лезет на потолок. Чуфильюшка не испугался, схватил пехтиль и со всего маху ударил её по лбу: яга лишь брыкнула наземь.

Тут Филюшка залез на крышу; увидал, что летят гуси, он и кричит им:

– Дайте мне по перышку, я сделаю себе крылышки.

Они дали ему по пёрышку; он и полетел домой. А дома его уж давным-давно за упокой поминают; потом, как увидели его, все несказанно обрадовались и вместо упокойной затеяли превесёлую гульбу и стали себе жить-поживать да больше добра наживать.

Ивашко и ведьма

Жил себе дед да баба, у них был один сыночек Ивашечко; они его так-то уж любили, что и сказать нельзя! Вот просит Ивашечко у отца и матери:

- Пустите меня, я поеду рыбку ловить.
- Куда тебе! Ты ещё мал, пожалуй, утонешь, чего доброго!
- Нет, не утону; я буду вам рыбку ловить: пустите!

Баба надела на него белую рубашечку, красным поясом подпоясала и отпустила Ивашечка.

Вот он сел в лодку и говорит:

Чбвник, чбвник, плыви дальшенько!
Чбвник, чбвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на́ берег и зовёт своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

А Ивашко говорит:

Чбвник, чбвник, плыви к бережку:
То меня мати́нька зовет.

Челнок приплыл к бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, переменяла ему рубашечку и поясок и отпустила опять ловить рыбку.

Вот он сел в лодочку и говорит:

Чбвник, чбвник, плыви дальшенько!
Чбвник, чбвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дед на́ берег и зовёт своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принес.

А Ивашко:

Чбвник, чбвник, плыви к бережку:
То меня батинька зовет.

Челнок приплыл к бережку; дед забрал рыбу, накормил-напоил сынка, переменял ему рубашечку и поясок и отпустил опять ловить рыбку.

Ведьма слышала, как дед и баба призывали Ивашку, и захотелось ей овладеть мальчиком. Вот приходит она на́ берег и кричит хриплым голосом:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко слышит, что это голос не его матери, а голос ведьмы, и поёт:

Чбвник, чбвник, плыви дальшенько,
Чбвник, чбвник, плыви дальшенько:
То меня не мать зовет, то меня ведьма зовет.

Ведьма увидела, что надобно звать Ивашку тем же голосом, каким его мать зовёт, побежала к кузнецу и просит его:

– Ковалику, ковалику! Скуй мне такой тонесенький голосок, как у Ивашкиной матери; а то я тебя съем!

Коваль сковал ей такой голосок, как у Ивашкиной матери. Вот ведьма пришла ночью на бережок и поёт:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Алёнку:

– Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей – моих приятелей.

Вот Алёнка истопила печь жарко-жарко и говорит Ивашке:

– Ступай, садись на лопату!

– Я ещё мал и глуп, – отвечает Ивашко, – я ничего ещё не умею – не разумею; поучи меня, как надо сесть на лопату.

– Хорошо, – говорит Алёнка, – поучить недолго! – и только села она на лопату, Ивашко так и барахнул её в печь и закрыл заслонкой, а сам вышел из хаты, запер двери и влез на высокий-высокий дуб.

Ведьма приходит с гостями и стучится в хату; никто не открывает ей дверей.

– Ах, проклятая Алёнка! Верно, ушла куда-нибудь играть.

Влезла ведьма в окно, отворила двери и впустила гостей; все уселись за стол, а ведьма открыла заслонку, достала жареную Алёнку – и на стол: ели-ели, пили-пили и вышли на двор и стали валяться на траве.

– Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись! – кричит ведьма. – Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!

А Ивашко переговаривает её с верху дуба:

– Покатайся, повалейся, Алёнкина мясца наевшись!

– Мне что-то послышалось, – говорит ведьма.

– Это листья шумят!

Опять ведьма говорит:

– Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись! а Ивашко своё:

– Покатися, повалися, Алёнкина мясца наевшись!

Ведьма посмотрела вверх и увидела Ивашку; бросилась она грызть дуб – тот самый, где сидел Ивашко, грызла, грызла, грызла – два передних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит:

– Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Коваль сковал ей два железных зуба.

Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб; грызла, грызла, и только что перегрызла, как Ивашко взял да и перескочил на другой, соседний дуб, а тот, что ведьма перегрызла, рухнул наземь. Ведьма видит, что Ивашко сидит уже на другом дубе, заскрипела от злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла – два нижних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит:

– Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Коваль сковал ей ещё два железных зуба. Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб. Ивашко не знает, что ему и делать теперь; смотрит: летят гуси-лебеди; он и просит их:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батины, до матины;
У батины, у матины
Пити-ести, хорошо ходити!

– Пушай тебе середине вьзьмут, – говорят птицы.
Ивашко ждёт; летит другое стадо, он опять просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батины, до матины;
У батины, у матины
Пити-ести, хорошо ходити!

– Пушай тебя задние вьзьмут.
Ивашко опять ждёт; летит третье стадо, он просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батины, до матины;
У батины, у матины
Пити-ести, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

Рано поутру баба собралась печь блины, печет, а сама вспоминает сынка:

– Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидеть!

А дед говорит:

– Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях.

Напекла баба блинов и говорит:

– Ну, старик, давай делить блины: это – тебе, дед, это – мне; это – тебе, дед, это – мне...

– А мне нема! – отзывается Ивашко.

– Это – тебе, дед, это – мне...

– А мне нема!

– А ну, старик, – говорит баба, – посмотри, щось там такé?

Дед полез на чердак и достал оттуда Ивашку. Дед и баба обрадовались, расспросили сына обо всём, обо всём и стали вместе жить да поживать да добра наживать.

Терёшечка

Худое житьё было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили; смолоду ещё перебивались так-сяк; состарились оба, напиток подать некому, и тужат и плачут. Вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать – и вместо колодочки стал рость в пелёночках сынок Терёшечка, настоящая ягодка! Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Отец ему сделал челночок. Терёшечка поехал рыбу ловить; а мать ему и молочко и творожок стала носить. Придёт, бывало, на берег и зовёт:

– Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла.

Терёшечка далеко услышит её голосок, подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьётся-наестся и опять поедет ловить.

Один раз мать говорила ему:

– Сыночек, милочка! Будь осторожен, тебя караулит ведьма Чувилиха; не попадись ей в когти.

Сказала и пошла. А Чувилиха пришла к бережку и зовёт страшным голосом:

– Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла.

А Терёшечка распознал и говорит:

– Дальше, дальше, мой челночок! Это не родимой матушки голосок, а злой ведьмы Чувилихи.

Чувилиха услышала, побежала, доку сыскала и добыла себе голосок, как у Терёшечкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском:

– Терёшечка, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку.

Терёшечка услышал и говорит:

– Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой матушки голосок.

Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила.

Пришла ведьма Чувилиха, запела выученным голоском, точь-в-точь родимая матушка. Терёшечка обознался, подъехал: она его схватила, да в куль, и помчала. Примчала в избушку на курьих ножках, велела дочери его сжарить; а сама, поднявши лытки, пошла опять на раздобытки. Терёшечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался, вместо себя посадил её жариться в печь, а сам взобрался на высокий дуб.

Прибежала Чувилиха, вскочила в избу, напилась-наелась, вышла на двор, катается-валяется и приговаривает:

– Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!

А он ей с дуба кричит:

– Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!

Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на все стороны – нет никого! Опять зятинула:

– Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!

А он отвечает:

– Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!

Испугалась она, глянула и увидела его на высоком дубу. Вскочила, бросилась к кузнецу:

– Кузнец, кузнец! Скуй мне топорок.

Сковал кузнец топорок и говорит:

– Не руби же ты остриём, а руби обухом.

Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубилла, ничего не сделала. Припала к дереву, впи-лась в него зубами, дерево затрещало.

По небу летят гуси-лебеди; Терёшечка видит беду, видит гусей-лебедей, взмолился им, стал их упрашивать:

Гуси-лебеди, возьмите меня,
Посадите меня на крылышки,
Донесите меня к отцу, к матери;
Там вас накормят-напоят.

А гуси-лебеди отвечают:

– Ка-га! Вон летит другое стадо, поголоднее нас, оно тебя возьмёт, донесёт.

А ведьма грызёт, только щепки летят, а дуб трещит да шатается. Летит другое стадо. Терёшечка опять кричит:

– Гуси-лебеди! Возьмите меня, посадите меня на крылышки, донесите меня к отцу, к матери; там вас накормят-напоят.

– Ка-га! – отвечают гуси. – За нами летит защипанный гусенёк, он тебя возьмёт, донесёт.

Гусенёк не летит, а дерево трещит да шатается. Ведьма погрызёт-погрызёт, взглянет на Терёшечку – облизнется и опять примется за дело; вот-вот к ней свалится!

По счастью, летит защипанный гусенёк, крылышками махает, а Терёшечка-то его просит, убажает:

– Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя накормят-напоят и чистой водицей обмоют.

Сжалился защипанный гусенёк, подставил Терёшечке крылышки, вострепнулся и полетел вместе с ним. Подлетели к окошечку родимого батюшки, сели на травке. А старушка напекла блинов, созвала гостей, поминает Терёшечку и говорит:

– Это тебе, гостёк, это тебе, старичок, а это мне блинок!

А Терёшечка под окном отзывается:

– А мне?

– Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терёшечку, обхватил его, привёл к матери – пошло обниманье! А защипанного гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди всех летать да Терёшечку вспоминать.

Гуси-лебеди

Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький.

– Дочка, дочка! – говорила мать. – Мы пойдём на работу, принесём тебе булочку, сошьём платице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора.

Иван Билибин. Гуси-лебеди

Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках. Пришла девочка, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда – нету. Кликнула, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, – братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шкодили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли её братца, бросилась их догонять. Бежала-бежала, стоит печка.

– Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего ржаного пирожка, скажу.

– О, у моего батюшки пшеничные не едятся!

Печь не сказала. Побежала дальше, стоит яблонь.

– Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего лесного яблока, скажу.

– О, у моего батюшки и садовые не едятся!

Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега.

– Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?

– Съешь моего простого киселика с молоком, скажу.

– О, у моего батюшки и сливочки не едятся!

И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался ёж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает:

– Ёжик, ёжик, не видал ли, куда гуси полетели?

– Вон туда-то! – указал.

Побежала – стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега.

– Речка-матушка, спрячь меня!

– Съешь моего киселика!

Нечего делать, съела. Речка её посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь.

– Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!

– Съешь моё лесное яблочко!

Поскорей съела. Яблонь её заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели – да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, на дороге печка.

– Сударыня печка, спрячь меня!

– Съешь моего ржаного пирожка!

Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устье. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо ещё, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги её всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

Иван Билибин. Василиса Прекрасная

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, – стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица; мачеха и сёстры завидовали её красоте, мучили её всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса всё переносила безропотно и с каждым днём всё хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала её куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрётся в чуланчике, где жила, и потчевает её, приговаривая:

– Нá, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и даёт ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода nanoшена, и печь вытоплена. Куколка ещё укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе при-сватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

– Не выдам меньшей прежде старших! – а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трём девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всём доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

– Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнём к бабе-яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду.

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!

– Тебе за огнём идти, – закричали обе. – Ступай к бабе-яге! – и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

– Нá, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к бабе-яге; баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза её заблестели, как две свечки.

– Не бойся, Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо её всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идёт она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо вереи у ворот – ноги человечьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всё чёрное и на чёрном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

– Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

– Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе.

– Хорошо, – сказала яга-баба, – знаю я их, поживи ты наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

– Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять всё заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе:

– Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, мёду, пива и вина. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

– Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь, да пойдёшь в закром, возьми четверть пшеницы и очисти её от чернушки. Да чтоб всё было сделано, а не то – съем тебя!

После такого наказания баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжёлую дала мне яга-баба работу и грозит съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

– Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранёшенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всё и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зёрна чернушки.

– Ах, ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла.

– Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. – Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет баба-яга. Василиса встретила её.

– Всё ли сделано? – спрашивает яга.

– Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-яга всё осмотрела, подсадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

– Ну, хорошо!

Потом крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

– Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зёрнышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

– Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

– Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала баба-яга. – Стоишь как немая!

– Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

– Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать, скоро состареешься!

– Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

– Это день мой ясный, – отвечала баба-яга.

– Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

– Это моё солнышко красное! – отвечала баба-яга.

– А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

– Это ночь моя тёмная – всё мои слуги верные.

Василиса вспомнила о трёх парах рук и молчала.

– Что ж ты ещё не спрашиваешь? – молвила баба-яга.

– Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состареешься.

– Хорошо, – сказала баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

– Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

– Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

– Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп.

– Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются.

Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

– Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу.

– Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живёт себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

– Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у неё, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, да таких бёрд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берётся и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

– Принеси-ка мне какое-нибудь старое бёрдо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я всё тебе смастерю.

Василиса добыла всё, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

– Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

– Нет, дитяtko! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

– Что тебе, старушка, надобно?

– Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздивовался.

– Что хочешь за него? – спросил царь.

– Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

– Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки шить.

– Не я, государь, пряла и соткала полотно, – сказала старуха, – это работа приёмыша моего – девушки.

– Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

– Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга; вошёл в горницу и говорит:

– Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить её из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

– Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Морской царь и Василиса Премудрая

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и стрелять дичь. Вот один раз пошел царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орел; только хотел его застрелить, орел и просит: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь подумал-подумал и говорит: «Зачем ты мне нужен!» – и хочет опять стрелять. Говорит ему орел в другой раз: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь думал-думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орел, и хочет уж совсем застрелить его. Орел и в третий раз провещал: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года; в некое время я пригожусь тебе!»

Царь смиловался, взял орла к себе и кормил его год и два: орел так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орел: «Пусти-ка меня на волю!» Царь выпустил его на волю; попробовал орел свои крылья – нет, не сможет еще летать! – и просит: «Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми еще год; хоть займи, да прокорми: в накладе не будешь!» Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орел поднялся высоко-высоко, летал-летал, спустился на землю и говорит: «Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим вместе». Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря синего. Тут орел скинул с себя царя, и упал он в море – по колени намок; только орел не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – думал, что совсем потону!» Опять летели-летели, прилетели к другому морю. Орел скинул с себя царя как раз посеред моря – ажно царь по пояс намок. Подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит он, – да все думал: авось, бог даст, ты меня вытащишь». Опять-таки летели-летели и прилетели к третьему морю. Скинул орел царя в великую глубь – ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – да все думалось: авось ты меня вытащишь». – «Ну, царь-государь, теперь ты изведаль, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь ли, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза примался стрелять, а я все просил тебя да на мысли держал: авось не загубишь, авось смилуешься – к себе возьмешь!»

После полетели они за тридевять земель; долго-долго летели. Сказывает орел: «Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?» Посмотрел царь. «Над нами, – говорит, – небо, под нами земля». – «Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Полетим туда, – сказал орел, – там живет моя меньшая сестра». Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орел, выскочил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орел царю: «Погляди, что позади нас?» Обернулся царь, посмотрел: «Позади нас дом красный». А орел ему: «То горит дом меньшей моей сестры – зачем тебя не примала да борзыми собаками травила». Летели-летели, орел опять спрашивает: – «Посмотри, царь-государь, что над нами и что под нами?» – «Над нами небо, под нами земля». – «Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Там живет моя средняя сестра; полетим к ней в гости». Опустились на широкий двор; средняя сестра примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и притравила его. Орел осерчал, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним еще дальше.

Летели они, летели; говорит орел: «Царь-государь! Посмотри, что позади нас?» Царь обернулся: «Стоит позади красный дом». – «То горит дом моей средней сестры! – сказал орел. – Теперь полетим туда, где живут моя мать и старшая сестра». Вот прилетели туда; мать и старшая сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласкою. «Ну, царь-государь, – сказал орел, – отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя, и ступай с богом домой». Дал он царю корабль и два сундучка: один – красный, другой – зеленый, и сказывает: «Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не приедешь; красный сундучок отопри на заднем дворе, а зеленый сундучок на переднем дворе».

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю; доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он на берег, вспомнил про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орел не велел открывать их; думал-думал, не утерпел – больно узнать ему захотелось: взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттуда столько разного скота вышло, что глазом не окинешь, – едва на острове поместились.

Василиса Премудрая и морской царь

Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?» И видит он – вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» – «Как же мне не плакать! – отвечает царь. – Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?» – «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: отдай мне – чего дома не знаешь». Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю». Подумал и согласился. «Собери, – говорит, – отдам тебе – чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только увидел, что родился у него сын-царевич; стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается. «Царь-государь, – спрашивает царица, – скажи, о чем горьки слезы ронишь?» – «С радости», – говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок – и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки стали полны. Вышел на передний двор, открыл зеленый сундучок – и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошел он к реке; на ту пору показался из воды прежний человек и говорит: «Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!» Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидел тропинку и пошел по ней: авось куда бог приведет. Шел-шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. «Дай зайду», – подумал царевич и вошел в избушку. «Здравствуй, царевич! – молвила баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?» – «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет. Говорит ему баба-яга: «Иди, дитячко, на море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадись потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Обьедало да Опивало, попадется еще Мороз-Трескун – всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся». Простился царевич с ягою, пошел на сказанное место на море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич украл у старшей сорочку, сидит за кустом – не ворохнет. Девицы выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца. «Отдай, – говорит, – мою сорочку; придешь к батюшке, водяному царю, – в то времечко я тебе сама пригожусь». Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружками. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Обьедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришел к водяному царю.

Увидел его водяной царь и говорит: «Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаячи. Примайся-ка теперь за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь – голова долой!» Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: «О чем, царевич, слезы ронишь?» – «Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять». – «Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придет». Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту – где подметет, где почистит. Похвалил его водяной царь. «Спасибо, – говорит, – сослужил мне единую службу, сослужи и другую; вот тебе задача: насади к завтраму зеленый сад – большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши-яблоки спелые висели». Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает: «О чем плачешь, царевич?» – «Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить». – «Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идет». Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметет, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь: «Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трех раз одну и ту же – будет она твоею женою, не угадаешь – велю тебя казнить».

Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу: «В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать». Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья – сотне человек не съесть! И велит зятю, чтоб все было поедено; коли что останется – худо будет. – «Батюшка! – просит царевич. – Есть у нас старичок, дозвожь и ему закусить с нами». – «Пускай придет!» Сейчас явился Обьедало; все приел – еще мало стало. Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито. «Батюшка! – просит опять царевич. – Есть у нас другой старичок, дозвожь и ему выпить про твое здоровье». – «Пускай придет!» Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек – еще опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берет, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-нажарко; истопили баню чугунную, двадцать сажон дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили – за пять верст подойти нельзя. «Батюшка, – говорит царевич, – дозвожь наперед нашему старичку попариться, баню опробовать». – «Пускай попарится!» Пришел в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул – уж сосульки висят. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились. «Уйдем от батюшки водяного царя, – говорит царевичу Василиса Премудрая, – он на тебя больно сердит, не причинил бы зла какого!» – «Уйдем», – говорит царевич. Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали-ехали; много прошло времени. «Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле, – сказала Василиса Премудрая, – не слышать ли за нами погони?» Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит: «Ах, царевич! Слышу сильную за нами погоню». Оборотила она коней колодезем, себя – ковшиком, а царевича – старым старичком. Наехала погоня: «Эй, старик! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видал, родимые! Только давно: они еще в те поры проехали, как я молод был». Погоня воротилась к водяному царю. «Нет, – говорит, – ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает». – «Что ж вы их не брали?» – закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой послал другую смену. А тем временем они далеко-далеко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли. Наехала погоня: «Эй, старичок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видал, родимые! Только давным-давно; они еще в те поры проехали, как я молод был, эту церковь строил». И вторая погоня воротилась к водяному царю: «Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую». – «Что ж вы их не брали?» – закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича – селезнем, себя – серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил – до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисой Премудрой поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит: «Ступай, царевич, вперед, доложись отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни мое слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы; не то меня позабудешь». Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал – как в ту ж минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертый нарядилась нищенкой, пошла в столичный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного – все бы шли поздравлять жениха с невестою и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот

и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог готовить. «Для кого, бабушка, пирог готовишь?» – спрашивает ее Василиса Премудрая. «Как для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать». – «Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожалует». – «Пеки с богом!» Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идет на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттуда голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит: «Голубушка, дай и мне творожку!» – «Не дам, – отвечает голубка, – а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую». Тут вспомнил царевич про свою жену, выскочил из-за стола, брал ее за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастии.

Василиса Премудрая и Иван купецкий сын

Жил-был богатый купец. Пошел он ходить по чужим сторонам, дошел до реки и захотел пить; стал он в той реке пить, и схватил его Чудо-Юдо Беззаконный и просит: «Отдай ты мне, чего дома не знаешь». Купец думал-думал: «Кажется, я все дома знаю!» И сказал: «Ну, возьми!» Чудо-Юдо отпустил его. Отправился купец на родину; немалое время был он в пути, пришел домой, а без него жена сына родила. И растет этот сын не по годам, не по дням, а по часам, по минутам. Требует Чудо-Юдо уплаты. «Подай, – говорит, – мне, что сам обещал». Отец не дает, жалко ему своего сына, а сын говорит: «Что же делать, батюшка! Благослови меня, я пойду».

Шел он, шел много ли, мало ли время и пришел к темному лесу; стоит избушка на куриных ножках, на бараньих рожках. Говорит Иван купецкий сын: «Избушка, избушка! Обратись к лесу задком, ко мне передком». Сейчас избушка повернулась; он взошел в нее, а в избушке сидит баба-яга костяная нога. «Ого, – говорит, – давно русским духом не пахло! Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой братец Чудо-Юдо тебя ждет – не дождется». Он спрашивает: «Как же мне пройтись к нему?» Баба-яга дала ему шар и сказывает: «Куда покатится этот шар, туда и ступай!»

Прикатился этот шар к другой изобке; взошел туда Иван купецкий сын, а в изобке сидит баба-яга костяная нога; сама на стуле, нос в потолок, одна нога в правый угол, а другая в левый. «Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой братец тебя давно дожидается!» – «Как же мне пройтись к нему?» Баба-яга дала ему шар и сказывает: «Ступай, куда шар покатится». Прикатился шар к третьей изобке; Иван купецкий сын взошел в эту изобку, а в ней сидит Чудо-Юдова дочка. «Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой батюшка давно тебя дожидается». – «Как же мне пройтись к нему?» – «А вот ступай по этой проталинке – и прямо выйдешь к моему батюшке».

Константин Маковский. Русская красавица

Он пошел той проталинкою и дошел до моря синего. По одну сторону моря синего плавают семьдесят семь уток, по другую сторону изгорода стоит, на изгороди висят все человеческие головы. Говорит Иван купецкий сын: «Быть моей головушке на этой изгороди!» А сам слезно плачет. Вышла к нему девица-красавица и спрашивает: «Об чем ты, добрый молодец,

плачешь?» – «Как же мне не плакать? Шел я много время, а никак не найду Чуда-Юда Беззаконного». Девица в ответ ему: «Шагни назад три шага – и будешь там». Он шагнул назад три шага и очутился в большом доме. Говорит ему Чудо-Юдо: «Давно я тебя дожидаюсь, Иван купецкий сын! Вот тебе за провинок, что ты долго не приходил: поставь мне за ночь амбар; а если не поставишь, так голова твоя будет отрублена».

Вышел Иван купецкий сын, стоит и плачет около колодца, идет к нему девушка Василиса Премудрая: «Об чем плачешь, добрый молодец?» – «Как же мне не плакать? Твой батюшка велел мне поставить за ночь амбар». – «Не плач, Иван купецкий сын! Молись богу да ложись спать». Вышла Василиса Премудрая на крыльцо и закричала: «Батюшкины работнички, матушкины заботнички! Подите сюда с вилами, с топорами и с долотами». Пришли работнички, за одну ночь амбар поставили. Василиса Премудрая говорит: «Иван купецкий сын! Поди к амбару и побивай там гвоздики». Он и пошел. Приходит к нему Чудо-Юдо: «А, Иван купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня». Потом приказал ему: за ночь поле вспахать и сбороновать, пшеницу посеять, сжать, обмолотить и в амбар убрать.

Иван купецкий сын больше того еще заплакал; опять идет к нему Василиса Премудрая и говорит: «Об чем же ты плачешь, Иван купецкий сын?» – «Как же мне не плакать? Твой батюшка велел поле вспахать и пшеницу убрать». – «Не плач, Иван купецкий сын! Молись богу да ложись спать; все будет сделано». Вышла Василиса Премудрая на крыльцо и закричала: «Батюшкины работнички, матушкины заботнички! Подите сюда с сохами и с боронами, с серпами и с цепями поле убирать». Вот поле вспахали, хлеб убрали и в амбар переносили. Василиса Премудрая посылает: «Ступай, Иван купецкий сын, и подметай в амбаре». Приходит в амбар Чудо-Юдо: «А, Иван, купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня». Потом приказал ему поставить за ночь дворец рядом с своим домом, чтобы крыльцо было к крыльцу подведено.

Иван купецкий сын еще больше того залился слезами. Идет к нему Василиса Премудрая: «Об чем же ты плачешь, Иван купецкий сын?» – «Как же мне не плакать? Твой батюшка велел мне поставить дворец». – «Не плач, Иван купецкий сын! Я все сделаю; молись богу да ложись спать». Василиса Премудрая вышла на крыльцо и закричала: «Батюшкины работнички, матушкины заботнички, подите сюда со всем своим инструментом и за одну ночь поставьте дворец». Утром Василиса Премудрая говорит: «Иван купецкий сын! Поди к дому и поколачивай гвоздики». Он пошел. Приходит к нему Чудо-Юдо: «А, Иван купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня. Ну, теперь узнай из семидесяти семи моих дочерей Василису Премудрую. Если узнаешь, отдам ее за тебя замуж».

Иван купецкий сын больше того заплакал. Вышла к нему Василиса Премудрая: «Об чем ты плачешь?» – «Как же мне не плакать? Твой батюшка велел узнать тебя изо всех своих дочерей». – «Не плач, Иван купецкий сын! Все возможно сделать. Стану я входить в горницу – перейду через порог и топну ногой; сяду я на лавочку – платочком махну и колечко с руки на руку передену: по тому узнавай!» Чудо-Юдо велел всем дочерям собраться в одну горницу и приказал Ивану купецкому сыну узнавать Василису Премудрую. Иван купецкий сын посмотрел и узнал Василису Премудрую. Чудо-Юдо говорит: «Ну, я хитер, а ты хитрее меня!» – и отдал за него Василису Премудрую замуж.

Стал Иван купецкий сын проситься в свою сторону: у нас весело жить! Василиса Премудрая снарядилась, взяла с собой убрus, мыло и гребенку, и пошли они в путь; а в доме посадили по всем четырем углам по кукле. Чудо-Юдо посылает людей звать к себе Василису Премудрую и Ивана купецкого сына чай кушать, а куклы отвечают: «Мы только что встали!» Немного спустя посылает опять звать; куклы отвечают: «Сейчас идем!» Чудо-Юдо посылает в третий раз: «Подите посмотрите – дома ли они?» Заглянули в горницу, в горнице по всем четырем углам куклы сидят, а их нету.

Чудо-Юдо рассердился, послал догонять. Стали гонцы догонять, Василиса Премудрая и говорит: «Иван купецкий сын! Припади к сырой земле, не догоняют ли нас?» Он припал к

земле и говорит: «Догоняют!» Она бросила гребенку – сделался дремучий лес, нельзя ни пройти, ни проехать. Которые догоняли их – дошли до лесу и воротились назад; докладывают: «Никак нельзя пройти!» Чудо-Юдо велел взять топоры и рубить лес; тотчас принялись рубить и прорубили дорожку.

Стали опять догонять; Василиса Премудрая говорит: «Иван купецкий сын! Припади к сырой земле, не догоняют ли нас?» Он припал к земле и говорит: «Догоняют!» Василиса Премудрая бросила мыло – поднялась высокая гора. Которые догоняли – опять воротились назад: «На пути стоит высокая гора; никак нельзя ни пройти, ни проехать!» Чудо-Юдо велел взять заступы и рыть гору. Прокопали дорожку и опять догоняют. Василиса Премудрая говорит: «Иван купецкий сын! Припади к сырой Земле не догоняют ли нас?» Иван купецкий сын припал к земле и говорит: «Догоняют!» Василиса Премудрая сейчас кинула убрус – сделалось широкое море. Которые догоняли – подошли к морю: никак нельзя перейти, и воротились назад.

А Иван купецкий сын и Василиса Премудрая пришли в свою сторону. Он собирается к отцу идти, а Василиса Премудрая села на дереве около пруда и сказала ему: «Со всеми поздоровайся, только не здоровайся с маленьким, что в люльке лежит; если ты с ним поцелуешься, то меня позабудешь». Иван купецкий сын пришел домой, со всеми поздоровался, поцеловался и с маленьким – и забыл свою Василису Премудрую. Отец приискал ему невесту и задумал его женить.

Утром пошла Иванова сестра за водой, увидела в воде Василису Премудрую и говорит: «Какая я хорошая, какая я пригожая! Не мне носить воду!» Бросила ведра и воротилась домой. Потом пошла другая сестра: «Ах, я еще лучше; да понесу я воду!» И эта бросила ведра. Пошла за водой мать, только почерпнула ведра, а Василиса кричит с дерева: «Здорово, тетушка! Возьми меня к себе погреться». Она взяла ее к себе в дом. Стала хозяйка пироги в печку сажать; Василиса Премудрая и говорит: «Тетушка, дай мне теста». Хозяйка не отказала; Василиса Премудрая взяла да в это тесто пустила из своего пальчика крови, сделала пирожок и дала посадить в печь. Пирожок Василисы Премудрой вышел так хорош, так пригож, просто чудо! Хозяйка просит у Василисы Премудрой пирожок на княжий стол; она и отдала ей.

Подали его на княжий стол, отрезали кусок – оттуда вылетел голубь; потом еще отрезали – вылетела голубка; голубь сел на окне, голубка села на печном столбе. Голубь заворковал, а голубка говорит ему: «Воркуй, воркуй, голубок! Не забудь ты свою голубку, как Иван купецкий сын свою позабыл!» Немножко погодя голубь опять заворковал, а голубка говорит: «Воркуй, воркуй, голубок! Не забудь ты свою голубку, как Иван купецкий сын свою позабыл!» Иван купецкий сын услышал то воркованье, вскочил из-за стола и сказал отцу с матерью: «Не эта моя суженая, а вот моя жена Василиса Премудрая». Взял ее за себя и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

Иванко Медведко

В некотором селе жил-был богатый мужик с женою. Вот раз пошла она в лес за груздями, заплуталась и забрела в медвежью берлогу. Медведь взял её к себе, и долго ли, коротко ли – прижил с нею сына: дó пояс человек, а от пояса медведь; мать назвала того сына Иванко Медведко. Годы шли да шли. Иванко Медведко вырос, и захотелось ему с матерью уйти на село к людям; выждали они, когда медведь пошёл на пчельник, собрались и убежали. Бежали, бежали и добрались-таки до места. Увидал мужик жену, обрадовался – уж он не чаял, чтоб она когда-нибудь домой воротилась; а после глянул на её сына и спрашивает: «А это что за чудище?» Жена рассказала ему всё, что и как было, как она жила в берлоге с медведем и как прижила с ним сына: дó пояс человек, а от пояса медведь.

– Ну, Иванко Медведко, – говорит мужик, – поди на задний двор да заколи овцу; надо про вас обед сготовить.

– А котору заколоть?

– Ну хоть ту, что на тебя глядеть станет.

Иванко Медведко взял нож, отправился на задний двор и только скричал овцам – как все овцы на него и уставились. Медведко тотчас всех переколол, поснимал с них шкурки и пошёл спросить: куда прибрать мясо и шкуры?

– Как? – заревел на него мужик. – Я тебе велел заколоть одну овцу, а ты всех перерезал!

– Нет, батька! Ты велел мне ту заколоть, которая на меня взглянет; я на задний двор – они все до единой так на меня и уставились; вольно ж им было на меня глазеть!

– Экой разумник! Ступай же, снеси всё мясо и шкуры в амбар, а ночью покарауль дверь у амбара-то, как бы воры не украли да собаки не съели!

– Хорошо, покараулю.

Как нарочно, в ту самую ночь собралась гроза, и полил сильный дождь. Иванко Медведко выломил у амбара дверь, унёс её в баню и остался там ночевать. Время было тёмное, ворам сподручное; амбар открыт, караула нет – бери, что хочешь! Поутру проснулся мужик, пошёл посмотреть: всё ли цело? Как есть ничего не осталось: что собаки съели, а что воры покрали. Стал он искать сторожа, нашёл его в бане и принялся ругать пуще прежнего.

– Ах, батька! Чем же я виноват? – сказал Иванко Медведко. – Сам ты велел дверь караулить – я дверь и караулил: вот она! Ни воры не украли, ни собаки не съели!

– Что с дураком делать? – думает мужик. – Этак месяц-другой поживёт, совсем разорит! Как бы его с рук сбить?

Вот и надумался: на другой же день послал Иванка Медведка на озеро из песку верёвки вить; а в том озере много нечистых водилось: пусть-де его заташат черти в омут!

Иванко Медведко отправился на озеро, сел на берегу и начал из песку верёвки вить. Вдруг выскочил из воды чертёнок:

– Что ты делаешь, Медведко?

– Что? Верёвки вью; хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить – затем, что в наших омутах живёте, а руги (налог) не платите.

– погоди, Медведко! Я побегу скажу дедушке, – и с этим словом бултых в воду.

Минут через пять снова выскочил:

– Дедушка сказал: коли ты меня перегонишь, так заплатит ругу, а коли не перегонишь – велел тащить тебя самого в омут.

– Вишь пряткий! Ну, где тебе перегнать меня? – говорит Иванко Медведко. – У меня есть внучек, только вчера народился, – и тот тебя перегонит! Не хочешь ли с ним потягаться?

– Какой-такой внучек?

– Вон под колодой лежит, – отвечает Медведко да как вскрикнет на зайца: – Ай, Заюшко, не подгадь!

Заяц бросился без памяти в чистое поле и вмиг скрылся из виду; чертёнок было за ним, да куда? – на полверсту отстал.

– Теперь, коли хочешь, – говорит ему Медведко, – побежим со мною; только, брат, с уговором: если отстанешь – я тебя до смерти убью!

– Что ты! – сказал чертёнок – и бултых в омут.

Немного погодя выскочил опять из воды и вынес дедушкин чугунный костыль:

– Дедушка сказал: коли вскинешь ты вот этот костыль выше, чем я вскину, так заплатит ругу.

– Ну, кидай ты наперво!

Чертёнок вскинул костыль так высоко, что чуть видно стало: с страшным гулом полетел костыль назад и ушёл в землю наполовину.

– Кидай теперь ты!

Медведко наложил на костыль руку, и пошевелить не смог.

– Погоди, – говорит, – вот скоро подойдёт облачко, так на него закину!

– Э, нет! Как же дедушке без костыля-то быть? – сказал бесёнок, схватил чёртову дубинку и бросился поскорей в воду.

Погодя немножко опять выскочил:

– Дедушка сказал: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругом озера хоть один раз лишний супротив меня, так заплатит ругу; а не то ступай сам в омут.

– Эко диво! Начинай.

Чертёнок взвалил на спину лошадь и потащил кругом озера; разов десять обнёс и устал окаянный – пот так и льёт с рыла!

– Ну, теперь мой черёд! – сказал Иванко Медведко, сел на лошадь верхом и ну ездить кругом озера: до тех пор ездил, пока лошадь пала!

– Что, брат! Каково? – спрашивает чертёнка.

– Ну, – говорит нечистый, – ты больше моего носил, да ещё как! – промеж ног; этак мне и разу не обнести! Сколько ж руги платить?

– А вот сколько: насыпь мою шляпу золотом да прослужи у меня год в работниках – с меня и довольно!

Побежал чертёнок за золотом, а Иванко Медведко вырезал в шляпе дно и поставил её над глубокой ямою; чертёнок носил, носил золото, сыпал-сыпал в шляпу, целый день работал, а только к вечеру сполна насыпал. Иванко Медведко добыл телегу, наклак её червонцами и свёз на чертёнке домой:

– Разживайся, батька! Вот тебе батрак, а вот и золото.

Как солдат царевну спас

Загнали солдата на дальние границы; прослужил он положенный срок, получил чистую отставку и пошёл на родину. Шёл он через многие земли, через разные государства; приходит в одну столицу и останавливается на квартире у бедной старушки. Начал её расспрашивать:

– Как у вас, баушка, в государстве – всё ли здорово?

– И-и, служивый! У нашего царя есть дочь-красавица Марфа-царевна; сватался за неё чужестранный принц; царевна не захотела за него идти, а он напустил на неё нечистую силу. Вот уж третий год не может! Не даёт ей нечистая сила по ночам покою; бьётся сердечная и кричит без памяти... Уж чего царь ни делает: и колдунов и знахарей приводил – никто не избавил!

Выслушал это солдат и думает сам с собой: «Дай пойду, счастья попытаю; может, и избавлю царевну! Царь хоть что-нибудь на дорогу пожалует». Взял шинель, вычистил пуговицы мелом, надел и марш во дворец. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачем идёт, подхватила под руки и привела к самому царю.

– Здравствуй, служба! Что хорошего скажешь? – говорит царь.

– Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает; я могу её вылечить.

– Хорошо, братец! Коли вылечишь, я тебя с ног до головы золотом осыплю.

– Только прикажите, ваше величество, выдавать мне всё, что требовать стану.

– Говори, что тебе надобно?

– Да вот дайте мне меру чугунных пуль, меру грецких орехов, фунт свечей и две колоды карт да излажьте мне чугунный прут, чугунную царепку о пяти зубьях да чугунное подобие человека с пружинами.

– Ну, хорошо; к завтраму всё будет готово.

Вот изготовили, что надо; солдат запер во дворце все окна и двери накрепко и закрестил их православным крестом, только одну дверь оставил незапертой и стал возле неё на часах; комнату осветил свечами, на стол положил карты, а в карманы насыпал чугунных пуль да грецких орехов. Управился и ждёт. Вдруг в самую полночь прилетел нечистый дух: куда ни сунется – не может войти! Летал-летал кругом дворца и увидел, наконец, отворённую дверь; скинулся человеком и хочет войти.

– Кто идёт? – окликнул солдат.

– Пусти, служивый! Я придворный лакей.

– Где же ты, халдейская харя, до сих пор таскался?

– А где был, там теперь нету! Дай-ка мне орешков погрызть!

– Много вас тут, халдеев! Всех по ореху оделить, самому ничего не останется.

– Дай, пожалуйста!

– Ну, возьми! – и даёт ему пулю.

Чёрт взял в рот пулю, давил-давил зубами, в лепешку её смял, а разгрызть – не разгрыз. Пока он с чугунной пулей возился, солдат орехов с двадцать разгрыз да съел.

– Эх, служивый, – говорит чёрт, – крепки у тебя зубы!

– Плох ты, я вижу! – отвечал солдат. – Ведь я двадцать пять лет царю прослужил, над сухарями зубы притупил, а ты б посмотрел, каков с молодых годов я был!

– Давай, служивый, в карты играть.

– А на что играть-то станем?

– Известно – на деньги.

– Ах ты, халдейская харя! Ну, какие у солдата деньги? Он всего жалованья – три денежки в сутки получает, а надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и клею купить и в баню сходить. Хочешь – на щелчки играть?

– Пожалуй!

Начали на щелчки играть. Чёрт наиграл на солдата три щелчка.

– Давай, – говорит, – бить стану!

– Догоняй до десятку, тогда и бей; из трёх щелчков нечего рук марать!

– Ладно!

Стали опять играть; пришёл солдату крестовый хлюст, и нагнал он на нечистого десять щелчков.

– Ну-ка, – говорит чёрту, – подставляй свой лоб; я покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть! По-солдатски урежу! И другу и недругу закажешь!..

Чёрт взмолился, просит, чтоб солдат полегче его бил.

– То-то! С вами, халдеями, только свяжись, сам не рад будешь; как дело к расчёту – так сейчас и отлынивать! А мне никоим способом нельзя тебя пощадить; я – солдат и давал присягу всегда поступать верою-правдою.

– Возьми, служивый, деньгами!

– А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки – щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня меньшей брат, пойдём-ка к нему – он пробьёт тебе щелчки потише моего; а если не хочешь, давай я сам стану бить!

– Нет, служивый, веди лучше к меньшому брату.

Солдат привёл нечистого к чугунному человеку, тронул за пружину да как щёлкнет чёрта по лбу – тот ажно в другую стену отлетел; а солдат ухватил его за руку:

– Стой! Ещё девять щелчков за тобою.

Тронул в другой раз пружину да так урезал, что чёрт кубарем покатился да чуть-чуть стены не пробил! А в третий раз отбросило нечистого прямо в окно; вышиб он раму, выскочил вон и наострил лыжи.

– Помни, проклятый, – кричит солдат, – за тобой ещё семь щелчков осталось!

А чёрт-то улепётывает, аж пятками в зад достаёт. Наутро спрашивает царь Марфу-царевну:

– Ну что – каково ночь проводила?

– Спокойно, государь-батюшка!

На другую ночь отрядил сатана во дворец иного чёёрта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орехи! В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать нечистых в переделке, и всем равно туго пришлось! Ни один в другой раз идти не хочет.

– Ну, внучки, – говорит им дедушка-сатана, – я сам теперь пойду.

Пришёл сатана во дворец и ну с солдатом разговаривать; то-другое, пятое-десятое, стали в карты играть; солдат обыграл его и повёл к меньшому брату щелчками угощать. Привёл, подавил пружины, меньшей брат обхватил сатану чугунными руками да так-таки плотно, что ему ни взад, ни вперёд нельзя пошевелиться. Солдат схватил чугунный прут и давай хлестать; бьёт сатану да приговаривает:

– Вот тебе в карты играть! Вот тебе Марфу-царевну мучить!

Исхлестал чугунный прут и взялся царепкой строгать: сатана благим матом ревет, а солдат знай себе дерёт, и так его донял, что тот как вырвался – без оглядки убежал! Вернулся в своё болото, охает:

– Ах, внучки, чуть было солдат до смерти не убил!

– То-то, дедушка! Вишь он какой мудрёный! Вот уж две недели, как я во дворце был, а всё голова трещит! Да ещё спасибо, что не сам бил, а меньшого брата заставлял!

Вот стали черти придумывать, как бы выжить им из дворца этого солдата. Думали-думали и решились золотом откупиться. Прибежали к солдату разом все; тот увидал, испугался и закричал громким голосом:

– Эй, брат, ступай сюда скорее, должники пришли, надо шелчки давать.

– Полно, полно, служивый! Мы пришли к тебе о деле потолковать; сколько хочешь возьми с нас золота – только выйди из дворца!

– Нет! Что мне золото! Уж коли хотите услужить мне, так полезайте все в ранец; я слышал, что нечистая сила больно хитра – хоть в щель, и то влезет! Вот коли это сделаете, – право слово, уйду из дворца!

Черти обрадовались:

– Ну, служивый, открывай свой ранец.

Солдат открыл; они и полезли туда все до единого, сатана сверху лёг.

– Укладывайтесь плотнее, – говорит солдат, – чтоб можно было на все пряжки застегнуть.

– Застегивай, не твоя печаль!

– Счастье вам, коли застегну! А не то не прогневайтесь, ни за что из дворца не выйду!

Вот солдат взял застегнул ранец на все пряжки, перекрестил его, надел на себя и пошёл к царю:

– Ваше царское величество! Прикажите изготовить тридцать железных молотов, каждый молот в три пуда.

Царь отдал приказ; сейчас изготовили тридцать молотов. Солдат принёс ранец в кузницу, положил на наковальню и велел бить как можно сильнее. Плохо пришлось чертям, а вылезть никак нельзя! Угостил их солдат на славу!

– Теперь довольно!

Вскинул ранец на плечи и явился к царю с докладом:

– Служба-де моя кончена; больше нечистая сила не станет царевны тревожить.

Царь поблагодарил его:

– Молодец, служивый! Ступай гуляй по всем кабакам и трактирам, требуй, что только душе угодно; ни в чём тебе нет запрету!

И приставил к нему царь двух писарей, чтобы всюду за ним ходили да записывали на казённый счет, где сколько солдат нагуляет. Вот он гулял-гулял, целый месяц прогулял и пошёл к царю.

– Что, служба, нагулялся?

– Нагулялся, ваше величество! Хочу домой идти.

– Что ты! Оставайся-ка у нас; я тебя первым человеком сделаю.

– Нет, государь, хочется повидать своих сродников.

– Ну, ступай с богом! – сказал царь, дал ему повозку, лошадей и денег столько, что в целый век не прожить.

Поехал солдат на родину; пристал дорогою в какой-то деревне и увидал знакомого солдата – в одном полку служили.

– Здравствуй, брат!

– Здравствуй!

– Как поживаешь?

– Всё по-старому!

– А мне господь счастье дал: вдруг разбогател! На радостях надо бы выпить: сбегай-ка, брат, купи ведёрку вина.

– Рад бы сбегать, да, вишь, у меня скотинка ещё не убрана; потрудись, сходи сам – кабак вот, недалече!

– Ладно; а ты возьми мой ранец, положи в избе да накажи бабам, чтоб не трогали!

Отправился наш солдат за вином, а земляк его принёс ранец в избе и говорит бабам:

– Не трожьте!

Пока убирал он скотину, бабам не терпится: «Дай посмотрим, что такое в ранце наложено?» Принялись расстёгивать – как выскочат оттуда черти с шумом да с треском; двери с крючьев посбивали и ну бежать! А навстречу им солдат с ведеркою:

– Ах, проклятые! Кто вас выпустил?

Черти испугались и бросились в буковище под мельницу, да там навсегда и остались. Солдат пришёл в избу, разобрал баб и давай гулять со старым товарищем; а после приехал на родину и зажил богато и счастливо.

Беглый солдат и чёрт

Отпросился солдат в отпуск, собрался и пошёл в поход. Шёл-шёл, не видать нигде воды, чем бы ему сухарики помочить да на пути на дороге закусить, а в брюхе давно пусто. Нечего делать – потащился дальше; глядь – бежит ручеек, подошел к этому ручейку, достал из ранца три сухаря и положил в воду. Да была ещё у солдата скрипка; в досужее время он на ней разные песни играл, скуку разгонял. Вот сел солдат у ручья, взял скрипку и давай наигрывать. Вдруг откуда ни возьмись – приходит к нему нечистый в виде старца, с книгою в руках.

– Здравствуй, господин служба!

– Здорово, добрый человек!

Чёрт аж поморщился, как солдат обозвал его добрым человеком.

– Послушай, дружище, поменяемся: я отдам тебе свою книгу, а ты мне скрипку.

– Эх, старый, на что мне твоя книжка? Я хоть десять лет прослужил государю, а грамотным никогда не бывал; прежде не знал, а теперь и учиться поздно!

– Ничего, служивый! У меня такая книга – кто ни посмотрит, всякий прочитает сумеет!

– А ну дай – попробую!

Развернул солдат книжку и начал читать, словно с малых лет навык грамоте, обрадовался и тотчас же променял свою скрипку. Нечистый взял скрипку, начал смычком водить, а дело не клеится – нет в его игре никакого ладу.

– Слушай, брат, – говорит он солдату, – оставайся-ка у меня в гостях дня на три да поучи на скрипке играть; спасибо тебе скажу!

– Нет, старик, – отвечает солдат, – мне надо на родину, а за три дня я далеко уйду.

– Пожалуйста, служивый, коли останешься да научишь на скрипке играть, я тебя в один день домой доставлю – на почтовой тройке довезу.

Солдат сидит в раздумье: оставаться или нет? И вынимает он сухари из ручья – хочет закусывать.

– Эх, брат служивый, – говорит нечистый, – плохая твоя еда; покушай-ка моей!

Развязал мешок и достал белого хлеба, жареной говядины, водки и всяких заедков: ешь – не хочу.

Солдат наелся-напился и согласился остаться у того незнакомого старика и поучить его на скрипке играть. Прогостил у него три дня и просится домой; чёрт выводит его из своих хором – перед крыльцом стоит тройка добрых коней.

– Садись, служивый! Мигом довезу.

Солдат сел с чёртом в повозку; как подхватили их лошади, как понесли – только вёрсты в глазах мелькают! Духом довезли.

– А что, узнаёшь эту деревню? – спрашивает нечистый.

– Как же не узнать! – отвечает солдат. – Ведь в этой деревне я родился и вырос.

– Ну, прощай!

Солдат слез с повозки, пришёл к сродственникам, стал с ними здороваться да про себя рассказывать, когда его и на сколько из полку отпустили. Показалось ему, что пробыл он у нечистого в гостях всего-навсего три дня, а на самом деле пробыл у него три года; срок отпуску давным-давно кончился, а в полку, чай, в бегах его считают.

Оробел солдат, не знает, что и делать ему! И гульба на ум нейдёт! Вышел за околицу и думает: «Куда теперь деваться? Коли в полк идти – так там сквозь строй загоняют. Эх, нечистый, славно ты подшутил надо мною». Только вымолвил это слово, а нечистый тут как тут.

– Не кручинься, служивый! Оставайся со мной – ведь у вас в полку житьё незавидное, сухарями кормят да палками бьют, а я тебя счастливым сделаю... Хочешь, купцом сделаю?

– Вот это ладно; купцы хорошо живут, дай и я попробую счастья!

Нечистый сделал его купцом, дал ему в столичном городе большую лавку с разными дорогими товарами и говорит:

– Теперь, брат, прощай! Я уйду от тебя за тридевять земель, в тридесятое государство; у тамошнего короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану её всячески мучить!

Живёт наш купец, ни о чём не тужит; счастье само так и валит на двор; в торговле такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другие купцы завидовать.

– Давайте-ка, – говорят, – его спросим: что он за человек, и откуда приехал, и может ли торг вести? Ведь он у нас всю торговлю отбил – чтоб ему пусто было!

Пришли к нему, стали допрашивать, а он отвечает им:

– Братцы вы мои! Теперь у меня дел подошло много, некогда с вами потолковать; приходите завтра – всё узнаете.

Купцы разошлись по домам; а солдат думает, что ему делать? Как ответ давать? Думал-думал и решил бросить свою лавку и уйти ночью из города. Вот забрал он все деньги, какие налицо были, и пошёл в тридесятое государство.

Шёл-шёл и приходит на заставу.

– Что за человек? – спрашивает его часовой.

Он отвечает:

– Я – лекарь; иду в ваше царство, потому что у вашего короля дочь больна; хочу её вылечить.

Часовой доложил про то придворным, придворные довели до самого короля. Король призвал солдата:

– Коли ты вылечишь мою дочь, отдам её за тебя замуж.

– Ваше величество, прикажите мне дать три колоды карт, три бутылки вина сладкого да три бутылки спирту горячего, три фунта орехов, три фунта свинцовых пуль да три пучка свеч воску ярого.

– Хорошо, всё будет готово!

Солдат дождался вечера, купил себе скрипку и пошёл к королевне; зажег в её горницах свечи, начал пить-гулять, на скрипочке играть.

В полночь приходит нечистый, услышал музыку и бросился к солдату:

– Здравствуй, брат!

– Здорово!

– Что ты пьёшь?

– Квасок потягиваю.

– Дай-ка мне!

– Изволь! – и поднёс ему полный стакан горячего спирту; чёрт выпил – и глаза под лоб закатил:

– Эх, крепко забирает! Дай-ка закусить чем-нибудь.

– Вот орехи, бери да закусывай! – говорит солдат, а сам свинцовые пули подсовывает.

Чёрт грыз-грыз, только зубы поломал. Стали они в карты играть; пока то да се – время ушло, петухи закричали, и нечистый пропал. Спрашивает король королевну:

– Каково ночь спала?

– Слава богу спокойно!

И другая ночь так же прошла; а к третьей ночи просит солдат короля:

– Ваше величество! Прикажите в пятьдесят пуд клещи сковать да сделать три прута медных, три прута железных и три оловянных.

– Хорошо, всё будет сделано!

В глухую полночь является нечистый.

– Здравствуй, служивый! Я опять к тебе погулять пришёл.

– Здравствуй! Кто не рад весёлому товарищу!

Начали пить-гулять. Нечистый увидел клещи и спрашивает:

– А это что такое?

– Да, вишь, король взял меня в свою службу да заставил музыкантов на скрипке учить; а у них у всех пальцы-то кривые – не лучше твоих, надо в клещах выправлять.

– Ах, братец, – стал просить нечистый, – нельзя ли и мне выправить пальцы? А то до сей поры не умею на скрипке играть.

– Отчего нельзя? Клади сюда пальцы.

Чёрт вложил обе руки в клещи; солдат прижал их, стиснул, потом схватил прутья и давай его потчевать; бьёт да приговаривает:

– Вот тебе купечество!

Чёрт молит, черт просит:

– Отпусти, пожалуй! За тридцать вёрст не подойду к дворцу!

А он знай бичует. Прыгал-прыгал чёрт, вертелся-вертелся, насилиу вырвался и говорит солдату:

– Хоть ты и женишься на королевне, а из моих рук не уйдёшь! Только отъедешь за тридцать верст от города – сейчас захвачу тебя!

Сказал и исчез.

Вот женился солдат на королевне и жил с нею в любви и согласии, а спустя несколько лет помер король, и он стал управлять всем царством. В одно время вышел новый король с своею женою в сад погулять.

– Ах, какой славный сад! – говорит он.

– Это что за сад! – отвечает королева.

– Есть у нас за городом другой сад, вёрст тридцать отсюда, вот там есть на что полюбоваться!

Король собрался и поехал туда с королевою; только вылез он из коляски, а нечистый навстречу:

– Ты зачем? Разве забыл, что тебе сказано! Ну, брат, сам виноват; теперь из моих лап не вырвешься.

– Что делать! Видно, такова судьба моя! Позволь хоть с молодой женой проститься.

– Прощайся, да поскорей!..

Два Ивана, солдатских сына

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время – записали его в солдаты; оставляет он жену беременную, стал с нею прощаться и говорит:

– Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смеси, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось бог даст – выйду в отставку, назад приду. Вот тебе пятьдесят рублёв; дочку ли, сына ли родишь – всё равно сбереги деньги до возраста: станешь дочь выдавать замуж – будет у ней приданое; а коли бог сына даст да войдёт он в большие года – будет и ему в тех деньгах подспорье немалое.

Попрощался с женою и пошёл в поход, куда было велено. Месяца три погодя родила баба двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте, и боярских и купеческих детей за пояс заткнули – никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответу дать. Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать. Говорит один брат другому:

– Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платица не нашётся, шапочек не накупится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка расправляться с ними по-своему.

И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они – полно терпеть! – как пошли сдачу давать: тому глаз долой, тому руку вон, тому голову на сторону! Всех до единого перебили. Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог. Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчиков к себе, расспросил про всё и велел их выпустить.

– Они, – говорит, – не виноваты: на зачинщиков бог!

Выросли два Ивана солдатские дети и просят у матери:

– Матушка, не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам; мы пойдём в город на ярмарку, купим себе по доброму коню.

Мать дала им пятьдесят рублёв – по двадцати пяти на брата, и приказывает:

– Слушайте, детушки! Как пойдёте в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному.

– Хорошо, родимая!

Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят – лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам! Говорит один брат другому:

– Пойдём на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится – видимо-невидимо!

Пришли туда, протолпились – у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не сможет.

– Что твоим жеребцам цена будет? – спрашивает Иван солдатский сын у хозяина.

– Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе; нечего и спрашивать.

– Почём знать, чего не ведаешь; может, и купим; надо только в зубы посмотреть.

Хозяин усмехнулся:

– Смотри, коли головы не жаль!

Тотчас один брат подошёл к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат – к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть – куда! Жеребцы

поднялись на дыбы, так и храпят... Братья ударили их коленками в грудь – цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, вверх ногами попадали.

– Вона чем хвастался! Да мы этаких клячей и даром не возьмём.

Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри проявились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать – никто не придумает. Сжалились над хозяином Иваны солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом – жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые мблудцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путём-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо не здороваясь, да уж после один спохватился:

– Ах, братец, что ж это мы наделали? Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся.

Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят:

– Прости нас, дедушка, что прошли не здороваясь. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать.

– Спасибо, добрые мблудцы! Куда вас бог носил?

– В город на ярмарку ходили; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились.

– Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?

– Ах, дедушка, если подаришь, станем за тебя вечно бога молить.

– Ну пойдёмте!

Привёл их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней:

– Вот вам и кони, добрые мблудцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!

Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой; приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать:

– Что, детушки, купили себе по лошадке?

– Купить не купили, даром получили.

– Куда ж вы их дели?

– Возле избы поставили.

– Ах, детушки, смотрите – не увёл бы кто!

– Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести, и подойти к ним нельзя!

Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами:

– Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне

На другой день просят сыновья у матери:

– Отпусти нас в город, купим себе по сабельке.

– Ступайте, родимые!

Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру.

– Сделай, – говорят, – нам по сабельке.

– Зачем делать! Есть готовые; сколько угодно – берите!

– Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили.

– Эх, что выдумали! Да кто ж этакую махину ворочать будет? Да и горна такого во всём свете не найдёшь!

Нечего делать – пошли добрые мблудцы домой и головы повесили; идут путём-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадается.

– Здравствуйте, младые юноши!

– Здравствуй, дедушка!

– Куда ходили?

– В город, на кузницу; хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке пришлись.

– Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?

– Ах, дедушка, коли подаришь, станем за тебя вечно бога молить.

Старичок привёл их к большой горе, otvorил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало! Приходят домой, мать спрашивает:

– Что, детушки, купили себе по сабельке?

– Купить не купили, даром получили.

– Куда ж вы их дели?

– Возле избы поставили.

– Смотрите, как бы кто не унёс!

– Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя.

Мать вышла на двор, глянула – две сабли тяжёлые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит:

– Ну, сынки, верно вы не кормильцы мне.

Наутро Иваны солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, богу молятся, с родной матерью прощаются:

– Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю.

– Будь над вами, детушки, моё нерушимое родительское благословение! Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте.

– Не бойся, матушка! У нас такова поговорка есть: еду – не свищу, а наеду – не спущу!

Сели добрые молодцы на коней и поехали.

Близко ли, далеко, долго ли, коротко, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приезжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: «Кто вправо поедет, тот царём будет»; на другом столбу написано: «Кто влево поедет, тот убит будет». Остановились братья, прочитали надписи и призадумались; куда кому ехать? Коли обоим по правой дороге пуститься – не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали; ехать одному влево – никому помереть не хочется! Да делать-то нечего – говорит один из братьев другому:

– Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось бог даст – царём сделаешься!

Стали они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для знатя, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке кровь окажется – значит, брату смерть приключилась; при такой беде ехать мёртвого разыскивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.